

МОСКВА Интеллигент

Международная литературно-публицистическая газета. №5-6 (12-13), май-июнь 2012 г. <http://provintelligent.ru>, <http://moscow.provintelligent.ru>
Газета выходит ежемесячно. Контакты для участия и сотрудничества: dzina2011@mail.ru, provint.paschkov@yandex.ru

Прошла презентация издания – медийного проекта «Интеллигент».

ИСПАНСКИЕ ВСТРЕЧИ

В Испании по шести провинциям Мадрид, Кастилия-Ла-Манча, Каталония, Валенсия, Наварра и Страна Басков прошли презентации газеты «Интеллигент».

Представила материалы газеты писатель и член совета редакторского состава этой медийной группы Светлана Савицкая. Издания «Интеллигент» приятно удивили своим географическим размахом, так же порадовали эти издания прекрасными материалами и авторами.

Творческие встречи прошли в городах Мадрид, Аранхуэс, Таррагона, Салоу, Барселона, Льернет-Де-Март, Монсерат, Фигейрас, Жирона, Аликанте, Памплона, Витория.

Светлана Савицкая также посетила Юг Франции в городах Порт-Ле-Готе и Пампильон. Всюду к газетам был не поддельный интерес как к русской культуре и словесности, которая особенно дорога тем эмигрантам, для кого русский язык и русская культура была их средой. Стоит рассказать и о других мероприятиях, которые проводила Светлана, так как её турне было настолько насыщено различными встречами и мероприятиями. Встречи и творческие вечера, и презентации прошли в 6 провинциях, 14 городах!!! При этом во встречах принимали участие смешанные русско-испанские семьи, русские иммигранты, испанцы, а так же испанцы, усыновившие детей из России.

В дар русским центрам в городах были переданы куклы, рисунки детей и другие поделки, победившие на Международном конкурсе «Зеленая планета» к произведениям Светланы Савицкой. Звучали ее песни, сказки, байки о космонавтах с переводом на испанский язык. Она провела мастер-классы по изготовлению кукол.

Жаркие объятия Испании надолго оставят самые добрые воспоминания о всех мероприятиях и встречах.

Художественный материал по итогам путешествия скоро появится в новой книге писателя «Призвание планеты» в части «Испания». Некоторые главы будут печататься в различных изданиях медийной группы «Интеллигент».

полностью текстовую версию можно увидеть на сайте www.perorusi.ru/s Фотографии на <http://foto.mail.ru/mail/skazswet/>

От испанских центров разных регионов получены благодарственные письма. Вот одно из них:

«Русский Центр науки и культуры в Испании. Генеральному куратору проекта «Международный конкурс Национальная литературная премия Золотое Перо Руси», писателю и члену редакторского совета медийной группы «Интеллигент» Светлане Савицкой.

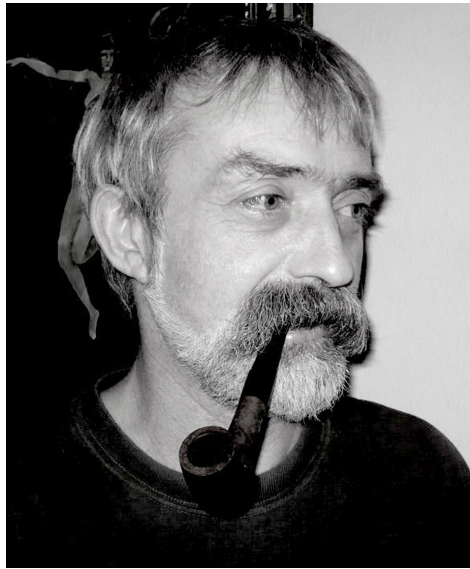
Испанский Интеллигент

Уважаемая, Светлана Васильевна! Российский Центр науки и культуры в Испании благодарит Вас за открытие музея сказок, проведение тематических мастер-классов по изготовлению кукол, презентаций изданий «Интеллигент», литературных вечеров, дней доброты и праздника русской культуры, проведенных для представителей испанской общественности и российских соотечественников в Испании по городам: Мадрид, Таррагона, Памплона, Витория, Аликанте и Барселона.

Благодарю Вас за Ваш вклад в развитие сотрудничества в интересах взаимного культурного обогащения народов России и Испании.

*Директор
Российского Центра науки
и культуры в Испании
И.В. Явчуновская.
Мадрид 2012г.*

Для людей творческих, пытливых, пытающихся познать природу мироздания и свою собственную, всякое творчество, будь то поэзия, музыка, живопись или скульптура, всё интересно, любопытно, значимо.

Сегодня у нас в гостях очень интересные люди, художники, отец — Юрий Степанович Поздныков и сын — Никита Поздныков.

— **Юрий Степанович, расскажите, пожалуйста, о себе. Где вы родились?**

— «В конце концов пора начать...» Так начинается первая новелла «Воздушных фрегатов» Леонида Мартынова. А называется она «Детские грезы». Мои детские грезы связаны с чудесным местом города Омска — улицы Северные, так примерно, с 12-ой по 28-ю, ближе к Старой Загородной роще, от которой сейчас, к сожалению, осталось, пожалуй, только название остановки автобуса. В 60-х годах прошлого века это было место посреди города интересное, странное, иногда и страшное. В 60-ой школе в 65-ом году было семь первых классов (подумать только -1-й «ж» класс!). Как жили в то время и в том месте — тема особая и занимательная. У Арсения Тарковского есть стихи:

... На свадьбах пили белое вино,
Ходили на работу и в кино,
Гробы на полотенцах выносили,
И друг у друга денег в долг просили...»

— **Кто Ваши родители?**

— Родители? Степан Прохорович — сын того Прохора Гавриловича, которого мальчиком привезли родители в конце 19-ого века из Орловской губернии. Мама — Анна Аверьяновна — из семьи переселенцев из Курской губернии. Дед Прохор в начале 30-х сбежал с многочисленным семейством из деревни Виноградовки в Омск, спасаясь от раскулачивания. Четыре лошади — шутка в деле! Приходилось ему, бедному, и золотарём работать, чтобы едоков прокормить.

Не из интеллигентной семьи, никак. Средний класс, как бы сейчас сказали.

— **Где получили общее образование?**

— Общее образование после школы закончил в армии, про которую, по прошествии лет, особо плохо не вспоминается, хотя было всякое, ностальгия, в том числе, конечно. Когда был начальником узла связи в городе Братске — свободного времени было — завались. У дежурного оперативного радиста Коли Сорокина — и того больше. Чем заняться — сопки, тайга, природа во всей красе, рыбалка на Братском море, на Ангаре. Библиотека была в виде огромной кучи книг. Именно кучи — никаких полок. Слонялись по этой куче бесконечно.

— **Есть ли специальное художественное образование?**

— Ну, а после армии было проще уже осуществить мечту — поступить на художественно-графический факультет педагогического института. Рисунок, живопись, проблем не возникло на экзаменах, физику на пятерку сдал, с сочинением — запросто. Математика? Если в погонах — тройка, хоть рот не открывай. Студенческие годы — в жизни лучшие, безусловно. Учителя, друзья, пленэрная, пионерская практики — чудо!

— **Начало трудовой деятельности?**

— По распределению в захолустной деревне не распрянулось. Ага, с семьёй молодой специалист поселится в каком-то сарае! Устроился оформителем втихаря — надоело. В школе было интересней, да и свободней. Сделал себе станок офортный,

Художники: отец и сын

занимался с удовольствием керамикой. Печки, шликер, глазури — самому приходилось добывать и в самоучку доходить. Правилось... Правилось...

— **Ваша семья?**

— В семье — супруга Галина — учитель, сын Даниил — инженер-экономист, Никита — менеджер-художник, внук Степан — рисует пока лужи грязи, внучка Аврора — талантливая девочка двух с половиной лет — и маму с папой изобразит тебе, и зайчика, и лягушку.

— **Что такое работа художника для вас: хобби или профессия?**

— Что есть художник — артист! Мастера некоторые и стенки штукатурят артистично. Если тебе не шибко интересна работа оформителя — ступай в штукатуру. Картинками не прожить. Так что — хобби, как ни крути.

— **Я понимаю, что любой художник свободен в своём творчестве, но всё же есть ли художники старых времён или современные, влияние которых вы испытываете?**

— **Кто для вас ближе?**

— Всю жизнь учусь ни тому, так этому. Сейчас учусь у Никиты. Художник растёт не по дням, — по часам. Я так не умею. Л. Мартынов однажды на вопрос: «К какой поэтической школе вы принадлежите?», ответил примерно так: — «В школе — место школьникам». Возьму, иной раз, альбом Коровина с полки — его влияние испытываю, Куинджи — его. А как иначе? Не понимаю вопрос.

— **Есть ли у вас любимые картины, свои? Чужие?**

— Любимых своих — крайне мало, всегда хочется переписать, переделать. На чужие работы, почти все, смотрю с дикой завистью — почему я так не умею!

— **Когда и где вы участвовали в выставках? Как и когда отмечены ваши успехи?**

— Успехи мои на каком бы то ни было официальном уровне никак не отмечены. А картины — у друзей в основном. Сроду я стеснялся назвать свою скромную деятельность на изобразительном поприще высоким словом ТВОРЧЕСТВО.

Зато у меня нет проблем в выборе подарков — снял со стенки — и все дела!

— **Вы иллюстрировали книгу стихов Леонида Мартынова? Расскажите об этом.**

— Мартынов Леонид Николаевич — особая статья. Это гений всех времён и народов! Чудо великое! Ни одной строчки его стихотворений без мурашек по коже прочесть не могу. Книгу не иллюстрировал. Делал рисунки по мотивам его стихов. Не думаю, что мои жалкие потуги хоть в малой мере могут проиллюстрировать его безмерный талант.

— **Что вы можете сказать о творчестве Алексея Николаевича Либерова, Кондратия Петровича Белова? Кто вам интересен из нынешних омских художников?**

— Либеров — мэтр, маэстро. В институте, в своё время, общались с ним, но все как-то не по художественной профессии. Про Мартынова, Сорокина, про то время, которое ему близко, а мне мило, может только по новеллам Мартыновским. «Всё нормально получается», — говорил он мне.

— **Какие тенденции, какие направления преобладают сегодня в творчестве омских художников?**

— Про тенденции сроду не думал. Не моё это дело. У искусствоведов язык шибчеи подвешен — такого наговорят! За омских художников рад. Ну кто бы в ранешние времена пустил, к примеру, Никиту, на

какую бы то ни было выставку?

— **Богатые люди помогают материально? Делают ли заказы на картины? То есть, я хочу спросить, существуют ли сегодня меценаты: Третьяковы, Морозовы?**

— Меценатов, в известном смысле, конечно нет. Не сомневаюсь, что нашему губернатору что на картины Архипа Ивановича Куинджи смотреть, что на новые ворота — один чёрт. Хотя в Куинджи бабло вложить для них — что в швейцарский банк. Не мою же скромную персону им поддерживать. Ха!

— **Что вы можете сказать о наших омских музеях изобразительного искусства?**

— **Ваше отношение к творчеству сына?**

— В омских музеях и залах есть выставки, есть хорошие дела, но в глобальном масштабе — сказать внятно не смогу. Особенно тенденции...

Никита — молодец. А с чего начинал-то? Кто бы мог подумать! Он увлекающаяся натура, а это — главное.

— **Вы на фотографии с трубкой? Вы курите табак?**

— К табакокурению крайне отрицательно отношусь. С утра — не прокашляешься. А на фотке — это её Никита мне в рот воткнул — фотохудожник ещё!

— **Какое место в вашей жизни занимает алкоголь? Влияет ли он на творчество?**

— Алкоголь — штука неоднозначная.

Ещё под трамвай попадёшь!

— **Ваше отношение к Богу, к религии вообще?**

— К Богу, к религии отношусь весьма положительно, к служителям церкви — не всегда однозначно. Новый завет — Святая и Великая книга. Если сказать, что настольная

у меня — это будет богохульство?

В книге этой у меня и закладки есть.

— «Любовь никогда не перестанет...»

1-е Послание к коринфянам св. Апостола Павла гл.13, ст.8.

— Нагорная проповедь от Матфея: «Блаженни чистии сердцем, яко тии Бога узрят».

Вопросы иногда случаются. Как правильной — «И не остави нас во искушении» или «Не введи нас во искушение»? Это из молитвы господней.

— **Как, по-вашему, творческие люди — счастливые люди?**

— Всякий человек творцом должен быть, хоть картин, хоть детей-внуков. Если я что-то не так сделаю — не усну ведь! А сделаю — «ай да сукин сын!». Художники всякие нужны-важны. Когда картина душу трогает, цепляет — это и есть счастье.

Это здорово! Конечно счастливые! А что не всякий раз мелочь на маршрутку есть — дело житейское.

— **А теперь вопросы к Никите. Ты в какой школе учился?**

— Я учился в 37 школе. Это в центре города. У меня были очень хорошие учителя. Особенно по литературе. Я каждый год хожу на встречи выпускников. Школа — это большая часть детства, которое остаётся с нами навсегда.

— **Увлекался ли рисованием в детстве?**

— Нет, в детстве я не рисовал совсем. Я увлечённо занимался сочинительством. Лет в 7 я сочинил книжку, нарисовал к ней картинки. Называлась она «Лысый чукча». Я тогда ещё толком не умел писать, буквы у меня были написаны в другую сторону, с ошибками. Эта тетрадка до сих пор хранится у меня. С удовольствием её иногда пересматриваю. Позже сочинял стишки,

сказки. В старших классах писал рассказы. Участвовал в чтениях студенческого литературного общества «Ежи».

— **Отношение к спорту. Какие виды спорта мог бы выделить, как любимые?**

— Спортом я никогда толком не занимался. В детстве начинал ходить на спорт-трек, в спортивный зал, но мне это быстро надоело. Меня больше всегда привлекала умственная деятельность. Я несколько лет ходил в кружок радиоэлектроники, собирал разные интересные штуки, в том числе металлоискатель. Позже увлекался программированием, но не поступил на эту специальность в техникум, и дело сошло на нет.

— **Где успел побывать? Любишь ли путешествия?**

— За пределы Омской области я выезжал мало. Несколько раз был в Новосибирске, Красноярске, Казахстане. Конечно, даже эти недалекие поездки мне очень нравились, всегда интересно взглянуть, как живут другие люди. Это разбивает привычные стереотипы, что, в том числе, должно делать и искусство.

— **Отношение к религии. Верить ли ты в Бога?**

— Я считаю, что религии должны служить человеку, а не человек божествам. Задача религии — сделать человека свободным и счастливым. И я рад, если кому-то вера даёт эти качества. Я сам практикующий буддист. Все люди разные и каждой голове своя шапка. Разнообразие религий — это наше богатство, каждый может найти свой путь.

— **Семья. Семейные отношения. Что для тебя семья?**

— У меня замечательная жена, которую зовут Гульмира, она наполовину татарка, и малышка-дочка. Её зовут Аврора. Это просто замечательно идти домой и знать, что тебя кто-то ждёт. Семья — это не только поддержка и удобства. Это бескрайнее непаханное поле для собственного развития. В семейных отношениях мы многому учимся. Учимся уступать, учимся заботиться друг о друге, сочувствовать и поддерживать, когда нужно, дарить радость. Развивая эти качества в семье, мы несём их в мир и стараемся делать его лучше.

— **Отношение к алкоголю, к табаку. Почему многие художники злоупотребляют алкоголем?**

— Я сам курю, но не считаю это своим достоинством. Это вредная привычка, от которой сложно избавиться. Алкоголь — это вещество опасное. С ним нужно очень аккуратно обращаться. Оно иногда помогает человеку, замкнутому, загруженному повседневностью, немного отстраниться и отдохнуть. Художники, думаю, приходят к нему по той же причине. Чтобы разбить панцирь обыденности, за суетной серостью будней увидеть нечто возвышенное, взглянуть со стороны. Однако с ним всегда нужно быть аккуратным.

— **Кем работал?**

— Когда я был студентом, я разносил по вечерам квитанции за коммунальные платежи, на каникулы ездил работать в Чернолученскую зону отдыха, в пионерские лагеря. Там работал мойщиком посуды, официантом, корночистом, подсобным рабочим, дворником. Меня туда привлекала, конечно, не зарплата, а природа. Сосновый бор, Иртыш, звёздное небо. В таких местах, посёлках, деревнях совершенно иной ритм жизни, размеренный, спокойный.

— Иногда знакомые просят нарисовать что-нибудь, но существенного заработка это не даёт.

— Расскажи, пожалуйста, поподробнее о тонкостях своего ремесла, о своих успехах, о своём участии в выставках.

— В 2009 году меня пригласили участвовать в международном симпозиуме «Балдаурен-2009» в Казахстане. Там, в детском лагере, располагается галерея, и чтобы пополнять её, приглашаются художники отдохнуть и поработать. Я попал туда совершенно случайно: организатор увидел мои работы в интернете. Там я познакомился с замечательными художниками и скульпторами из Казахстана, Киргизии, Узбекистана. Среди них Галым Каржасов, Аманат Назаркулов, Кудайбергенов Ержан и многие другие.

В прошлом году я участвовал в двух выставках, посвящённых современному христианскому искусству: «Ноев ковчег» (г.Томск) и «И небо становится ближе» (г.Лесосибирск) и выставке «Молодая Сибирь» в Красноярске.

— Что ты можешь сказать о наших, омских, музеях?

—Только хорошее. В запасниках наших музеев находится большое количество великолепных полотен, регулярно проходят авторские выставки. Также у нас в городе есть неплохие частные галереи, и зачастую вход туда бесплатен. В Омске много талантливых художников, и большое удовольствие смотреть на их работы живую, не на экране монитора.

— Какие художники оказали и оказывают на тебя влияние? Есть ли непосредственные учителя?

—Учителей у меня нет, лучший учитель — это практика, пробы и ошибки. Я думаю, что в какой-то степени влияние могли оказать на меня Ван Гог, Пикассо, Гоген. Я очень люблю их работы и думаю, что они сидят у меня в подкорке головного мозга.

— Есть ли друзья — художники среди омичей и не только омичей?

— Среди художников у меня не то что бы друзей, даже знакомых немного. Я ведь никогда и нигде не получал соответствующего образования, мало принимал участие в различных мероприятиях, знакомствам неоткуда было взяться. Единственный художник, с которым я поддерживаю отношения — Анна Терешкина, омский график и живописец. Совсем недавно прошла её выставка в галерее «Белый Куб».

— Трудно быть художником? Бывают минуты отчаяния?

— Для меня быть художником — это быть самим собой. Конечно, ради искусства приходится многим жертвовать: сном, комфортом, драгоценным временем общения с семьёй, друзьями и даже заработком. Но я ничуть об этом не жалею.

— Какой характер нужен художнику?

— Я думаю, что главное — быть искренним человеком. Остальное не так важно.

— Есть латинское выражение: «Ars longa, vita brevis». Это означает: «Жизнь коротка, искусство вечно!» Как это звучит сегодня?

— Я думаю, это всегда будет звучать актуально. Это напоминает о нашей ответственности за то, какую энергию мы несём в мир.

Интервью у Ю. и Н. Поздняковых взял
заместитель главного редактора
газеты «Интеллигент»
Вячеслав БАРЫБОВ

Омск

В Омске жил гений!

Культурный слой в народе, с постоянством,
Из века в век приход ПОЭТА ждёт.
А он придёт в залатанном убранстве.
Придёт как Бог, никто не узнаёт...

Не надо слов, не надо песнопений.
Вокруг нас жизнь - «святая простота»,
Прочти стихи и ясно: автор - гений,
Неважно, что поддёвочка не та!..

Аркадий Павлович Кутилов (1940 – 1985).
Это имя сейчас всё больше и больше открывается миру.

Поэт, художник, философ. Человек — легенда, человек из параллельного мира. Он был человеком абсолютной свободы, человеком Мира. Это сейчас по его стихам учат русский язык в университетах США. Это сейчас его стихи в антологиях, журналах и альманахах. Это сейчас его картины в частных и государственных коллекциях стран Европы. А при жизни он был неудобен, не вписывался в принятые рамки Системы. И общество мстило ему. При жизни его практически не печатали, выгоняли из редакций газет и журналов. Забирали в участки, садили в тюрьму, помещали в психобольницы. Но уже тогда простые люди его стихами зачитывались, передавали друг другу, переписывали от руки. Не имея средств к существованию, он жил на улице, в колодцах. Время от времени продавал картины, путешествовал по стране.

Он виртуозно владел Словом. Его стихи легки, философичны, неожиданны. Образы, созда-

* * *

Боготворю их, солнечных и милых,
люблю сиянье знойной зрачков...
Они бескрылы, но имеют силы
нас окрылять, бескрылых мужиков!

Границы платьев берегут их прочно...
Я, разрушитель ситцевых границ, —
они бескрылы — видел это точно!
А, впрочем, кто их знает, этих птиц...

Голубая тоска

Я читал: голубая тоска, —
и не верил: такой не бывает.
Но сейчас — на вершок от виска —
небеса, как доска гробовая...

Береженого — Бог бережет!
И всю жизнь берегись, береженный.
Прозевал — изотрет в порошок:
нынче Бог милосердия лишенный.

Сберегусь, и в работу впрягусь,
среди роботов нежно-угрюмых.
Напрягусь, как рождественский гусь,
что плывет по столу между рюмок.

Но боюсь, что сорвусь — и сопьюсь,
и забуду, как пахнет ромашка.
Но боюсь!.. И горжусь, что боюсь:
я боюсь, — значит, жив я, Аркашка!

У разрушенной ловушки

Над пещерой в тиши бьется запах гнилья,
ночью плещутся волчьи огни.
Молчаливой струей протекает змея,
огибая, как крепости, пни.

Даже ветер лихой из ловушки в елань
ускользает, боясь тишины.

Кто же в ней побывал?

Может, лось, может, лань -
житель чудной таежной страны?..

Дно пещеры хранит
чей-то яростный след,
кто-то жизнь, как свободу, любил...
В этом царстве гадюк
кто-то бился за свет...

Победил!

Победил!

Победил!

Устал я считать мировые пожары...

Устал я считать
мировые пожары...

Бросаю делишки
и в сквер ухожу.

У глаз поразвешу
газетные чары

и в позе мыслителя
важно сажу.

Прохожие думают:
ишь ты, философ!

А девушки думают:
скучный жених...

ваемые им, настолько впечатляют, настолько зрими, отточены до совершенства, что поражают воображение. Е. Евтушенко назвал его стихи гениальными. П. Пикассо давал высокую оценку его картинам.

Наследие А.П. Кутилова огромно. Частью утраченное, не до конца собранное. Рассыпанное по городам и весям Сибири.

Печально, но человек, сделавший славу городу на Иртыше, не имеет не то что памятника, даже могильного камня.

Ползут по газете
букашки в полосках,
и я с любопытством
взираю на них.

Букашкам в новинку
газетная сфера,
но смело идут
на конфликты и спор.
Одна заползла
на “Убийство премьера”,
другая уснула
на слове “террор”.

А третья букашка —
такая милашка! —
тревожно качнула
антенну-струну,
на слове “война”
поднатужилась тяжко —
и каплей говна
заклеймила войну!

Фантастическое

Будет час в поэтической теме -
нежный грохот да розовый дым...
И машина по имени “Время”
подкрадется к желаньям моим.

Сяду в кресло, и кто-то прикажет,
поправляя на мне проводки:
“Будешь в Прошлом —
не трогай букашек
и не рви в той Эпохе цветки”.

...И рванется машина,
задымится прическа,
тонко свистнут Эпохи,
пролетая во мгле...
Я шагну из машины
торопливо и броско
по горячей, упругой,
первозданной Земле.

Буйно травы цветут,
и по этому буйству
древний мир изначальный
акварельно размыт...
Я забуду приказы и сорву незабудку,
и запрячу туда, где сердечко щемит...

...Ну, машина, поехали к дому,
в свой двадцатый излюбленный век!..
Только истина, равная грому,
грянет в уши: “Пропал, человек!..

Возвращаться тебе уже некуда,
уже нету двадцатого века-то...
Мироздание вдрызг поразрушено,
вьется пыль да микробное кружево...

Век двадцатый распался на точки,
на энергию сверхскоростей.
А причина — вот в этом цветочке,
что украл ты у древних людей...”

...Я стою, как стакашек на блюде,
я стою — ни вперед, ни назад:
и в двадцатый — уже не вернуться,
да и древние — косо глядят...

Владимир Алейников

Поэт, прозаик, переводчик, художник. Родился 28 января 1946 года в Перми. Вырос на Украине, в Кривом Роге. Окончил искусствоведческое отделение исторического факультета МГУ. Работал в археологических экспедициях, в школе, в газете. Основатель и лидер легендарного литературного содружества СМОГ. Начиная с 1965 года, стихи публиковались на Западе. При советской власти на родине не издавался. Более четверти века тексты его широко распространялись в самиздате.

Автор многих книг стихов и прозы. Лауреат премии Андрея Белого, премии журнала «Молодая гвардия», газеты «Литературные известия», Международной Отметины имени Давида Бурлюка. Член редколлегии журналов «Стрелец», «Крещатик». Награждён двумя медалями и орденом. Живёт в Москве и Коктебеле.

* * *

Стал бы не замечать —
Было бы только хуже,
Каинова печать
Всюду видна, к тому же.

Разве что на душе
Чуть поспокойней, что ли, —
Впрочем, и там вполне,
Словно Сивашской соли,

Могут искать приправ
К яствам весьма унылым —
Что, на земле неправ?
Небо авось по силам!

Сыворотка идей
Вроде ещё, по счастью,
В кровь не вошла людей —
Видно, не вышла мастью.

Выгравить дух? Увы!
С плотью намного проще —
С меченой головы
Пот упадёт на мощи.

Считанные деньки
До отмиранья злобы, —
Страхи ль не велики
Там, наверху? Ещё бы!

Луч оголённый жгуч
Давнего прорицанья,
В гуще вечерних туч —
Веянье и мерцанье.

Из глубины, из мглы
Вещью встань, плачая, —
Там, на конце иглы,
Гибель видна Кашея.

* * *

И образуясь до луны,
До этой высылки в пространство,
Где невозможно самозванство,
Мы вновь от вас отдалены.

Не потому ли шаг любой
Испытан совестью и честью,
Готовя исподволь предвестье
Того, что послано судьбой?

Но сам ужели устоишь,
Смутясь под страхом смертной кары —
И стольких жаждущих, сквозь чары
Пройдя, водой не напоишь?

Познать победы вкус решишь
Неоспоримой, непреложной,
Чтоб с явью сладить невозможной —
И подождёшь, и не спешишь

Врываться походя туда,
Где нити праздничные рвутся,
Где люди разом остаются,
Как ни зови их, навсегда.

И, отмахнувшись от словес,
Ещё витающих роями,
Как чашу с полными краями,
Воспримешь таинство небес.

* * *

Вот руку протянули с высоты —
Но кто? кому? — откуда мне известно! —
С ненастьем, отозвавшимся
нелестно
О сути доброты и красоты,
Не спорят ни деревья, ни цветы,
А только смотрят неопровержимо, —
И всё, что с ними вместе, постижимо,
А прочего туманятся черты.

Но что за птица всё-таки поёт
И щебет свой на прочность испытает? —
Ужель забыл, как слава возрастает
И лишь себя в лицо не узнаёт?
Забыл ли ты, как исподволь встаёт
Меж веком и тобою отчужденье,
Покуда мир в пылу перерожденья
О верности заветам вопиёт?

* * *

За тобою — прожитые дни,
Облака, встающие отвесно,
Всё, чему в сознание стало тесно, —
Так раздвинь завесы и взгляни —

Не туда, где были мы с тобой
Молодыми, смелыми, хмельными,
А туда, где ранами сплошными
Изморщину плещущий прибой.

* * *

Горловой, суматошный захлѐб
Перед светом, во имя полѐта, —
И звучащие вскользь, а не в лоб,
Хрящеватые, хищные ноты.

Столько цепкости в свисте сплошном!
Льготы вырваны клювами в мире —
И когтистая трель за окном,
Подобрев, растекается шире.

Сколь же любви мне эта вот блажь,
Эта гибель презревшая хватка,
Эта удал, входящая в раж,
Хоть приходится в жизни несладко.

Пусть сумбурен пичужий вокал —
Но по-своему всё-таки сложен,
Потому что жестокий закал,
Как ни фыркай, конечно же, важен.

И не скажешь никак, что отвык
От захлѐстов капризных и ахов,
Потому что вселенский язык
Полон вздохов невольных и взмахов.

Мне сказать бы о том, что люблю
Этих истин обильные вести,
Но, заслушавшись, просто не сплю —
А пернатые в силе, к их чести.

Санкт- Петербург

Женя Глюкк

Родилась в Петербурге. С отличием окончила Театральный институт в Петербурге, курс М.А. Хусида. Образование — актёрское. Работала в театре. Увлекалась музыкой. Работала теле- и радиожурналистом. В данное время — ведущая эфира известной Петербургской радиостанции FONTANKA.FM, а также ведущая авторских взрослых и детских передач телеканала ВОР.

Детские стихи пишет с 7 лет и считает это самым увлекательным занятием в своей жизни. Сочиняет сказки, рассказы, басни, песни. В литературе придумала собственный «маффовый» авторский стиль. Печатается в ряде российских периодических изданий для детей. Издаются книги. На CD выходят аудиокниги и музыкальные сказки. Создала новый кукольный музыкальный театр для всей семьи «Вампука».

В этом месяце вышла детская книжка под названием «Книжка с картинками» - стихи Жени Глюкк с иллюстрациями Екатерины Асмус. Яркое, красочное издание с забавными и, в то же время, поучительными стихами уже завоевало сердца петербуржцев.

О стихах Жени Глюкк:
«Браво тысячу раз! Хочется пожелать стихам Жени Глюкк широкой дороги и много миллионов читателей, больших и маленьких».

Светлана Крючкова
«Весёлые и остроумные стихи. С удовольствием читаю их вместе со своей дочкой!»
Максим Леонидов

Паровоз

Изобретая паровоз,
Проверь наличие колес,
Ведь без колес, хотя бы двух,
Не станет он:
Чух-чух,
Чух-чух!

Сначала на автобусе,
А после на троллейбусе,
Такси, трамвае, поезде,
А дальше на метро.
В моих руках корзиночка,
А я гляжу в окошечко,
А то, что в той корзиночке -
Всего дороже мне.

Какой-то толстый дяденька
К корзиночке приблизился,
К корзиночке протиснулся
И сразу отошел.
А я слежу внимательно,
Хоть и гляжу в окошечко,
За этим толстым дяденькой -
Не хочет ли украсть?

И тетенька какая-то
К корзиночке приблизилась,
К корзиночке протиснулась
И рядышком стоит.
И закричала тетенька -
Вот, ездят тут с корзиночкой! -
И посмотрела пристально,
И гордая стоит.

И пассажиры охнули,
И пассажиры ахнули,
И пассажиры взвизгнули,
И взвизгли тормоза.
И вышел толстый дяденька
На остановке следующей,
И выскочила тетенька,
И нету никого.

Кошка-мышка

Кошка поймала мышку,
Плаксу и шалунишку.
Мышка стала серьезной.
Поздно!

А почему корзиночка
Такая драгоценная?
А почему к корзиночке
Опасно подходить?
А потому что в маленькой
Дыривенькой корзиночке
Я кисоньку пушистую
На транспорте везу!

Дама и пижама

Дама купила пижаму.
В пижаме бумажка лежала.
Нет.
В пижаме лежала записка.
Нет.
В пижаме была ТЕЛЕГРАММА!
«Спасибо вам дама,
Купивши пижаму,
Номер которой учтён,
Вы выиграли миллион!!!»

И Дама, рыдая и плача,
Помчалась опять в магазин,
Купила
Квартиру,
Машину
И Дачу -

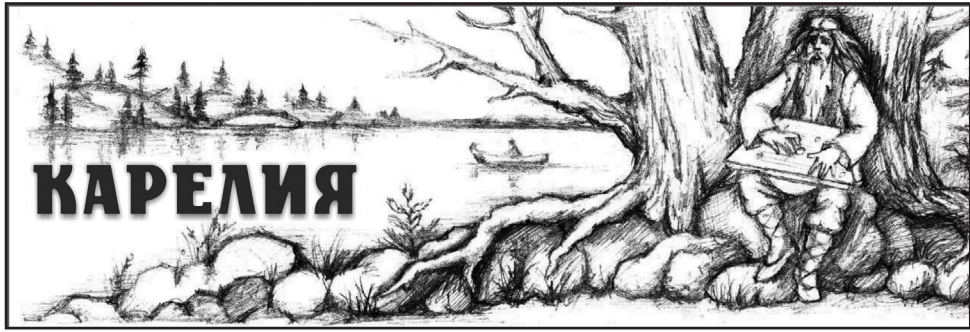
А как же иначе?

А дальше -
На сдачу -

Булавкиноскисерпантин

И прочую всякую гадость...

И даже
К тому же
Пижаму
Для мужа!

Бесприданница

От нашего городка до границы – рукой подать. У Валентины Филькиной много знакомых, кто ездит в Финляндию. Вот и её в компанию берут: утром Валя уедет, а вечером, глядишь, уже дома чай пьёт с финским печеньем. Вообще она делает покупки прицельно: всякий раз привозит что-нибудь нужное для хозяйства, что-то весьма любопытное. Например, купила кофеварку миниатюрную, блестящую хромом, с кнопками всякими, фирмы Bosch. Сама она кофе не пьёт, говорит, что здоровее важнее, а для гостей держит в кухне кофеварочку на самом видном месте.

И у нас магазины, конечно, ломаются от всякого товара. Не то, что было в девяностые годы прошлого столетия. Зажили мы, однако! Наш городок затерялся в непроходимой тайге, до столиц ехать и ехать поездом. И вот народ, что бойчее, в бизнес подался: в больших городах закупит всякой всячины по оптовой цене, а у себя дома продаёт много дороже. Накрутки эти внушают трепет.

Вот и рвутся горожане в ближнюю Финляндию – на «шопинг». Умные финские торговцы приманивают нас, соседей дружественной страны, скидками всякими, да и, как ни крути, добротный у них продукт – взять хоть вещи, хоть мебель. Не в пример будет тому, чем в наших магазинах торгуют, из Китая, скажем, завезённого. А если что-то стоящее выставят в витрине – так за это надо выложить круглую сумму.

У Валюши Фильковой на все случаи жизни куплено всё. Откроет она, допустим, свою дамскую сумку, аккуратную, из чёрной кожи, с множеством внутренних карманов – чего там только нет! Булавки, иголки с набором ниток, мозольные пластыри, вьетнамский бальзам, желудочные таблетки, зубочистки, влажные салфетки для рук, и много чего другого жизненно важного, помимо косметики и документов. Уму непостижимо, как это невообразимое количество предметов умещается в обычную женскую сумку! Поэтому весит она – ого-го! – будто туда кирпичей наложили. Впрочем, ноша эта для хозяйственной Вали вовсе не обременительна. Как черепаха носит свой панцирь-дом, так и она всюду таскает её с собой. И привычка эта – иметь под рукой всё необходимое для выживания – въелась в неё крепко.

В съёмной комнате у неё даже хранится новёхонькая компактная электрическая плитка с двумя конфорками, разумеется, японская. В коробке ждёт своего часа. Как ждут этого самого часа и множество других предметов и вещей, купленных на распродаже в Суоми, до поры до времени аккуратно упакованные в пакеты разных размеров или сложенные в старые чемоданы и баулы. Маленькая европейская страна не зря процветает, торгуя со всем миром. Поэтому и купить в Финляндии самое лучшее и оригинальное, самое передовое, что создают Европа и Азия, не составляет для Вали труда.

Так вот, эта чудо-плитка просто незаменима летом на даче, чтобы приготовить еду на скорую руку где-нибудь в летней кухне.

Правда, дачи у Вали пока нет. Как нет и собственной квартиры. Лет пять назад она перебралась из Казахстана в наш северный городок. Порвала все родственные пути, оставив в Алма-Ате крепких ещё родителей и взрослого сына Петю. Там, в жаркой, бывшей республике, отпочковавшейся в перестройку от могучей России и ныне ставшей самостоятельной державой, ещё в молодости схоронила одного за другим двух мужей, так толком ни с кем из них и не пожив. И много лет уже вдовствовала, не решаясь снова кинуться в объятья какого-нибудь мужчины. Это легко даётся, когда кровь молодая в жилах бурлит, а уж когда к полтиннику подбираешься, так тут, как на охоте – надо бить сразу в де-

сятку. То есть, выждав момент, броситься навстречу суженому и, не дав ему опомниться, сразу же вести его к алтарю. Однако суженый больше не попадался Валюше. Кстати, вольностей с мужским полом она не допускала и гражданских браков, нынче вошедших в моду, не признавала, будучи нрава самого серьёзного, наверно, поэтому и жила одна.

В Карелию сманила её крёстная, старая карга. Как-то раз старуха прикатила из нашего городка в Алма-Ату – навестить близких и подруг. Она смолodu была дружна с Валиными родителями. Крёстная не преминула нанести визит и им. Вкусив домашней малиновой наливочки, преподнесённой хлебосольными хозяевами, она начала расписывать в ярких красках суровую красоту карельского края, но больше всего – Надины перспективы. «Переезжай к нам на север! Поживёшь у меня, оглядишься, что да как, а там, глядишь, сосватаем тебе жениха, да не абы какого – завалющегося – а финна заграничного с коттеджем» – заманивала сладким словом хитрая бабка. Ну, вдову и соблазнила уехать.

Оказавшись в чужом северном городе, помыкалась Филькова за эти пять лет. Почти сразу же по приезду бабка крестницу свою, Валю, бесцеремонно выставила вон из своей квартиры. Надоело ей бескорыстной притворяться. Думала, что богачку к себе привезла, а как выяснилось, та приехала с пустыми карманами. Угораздило же Валентину продать свою квартиру после смерти второго мужа, да ещё в крайне неудачный момент: как раз в стране случился обвал рубля, а по-научному – дефолт! И вырученные деньги прахом пошли. Об этой существенной детали старуха узнала слишком поздно – когда привезла крестницу в родные пенаты. Надеюсь на старости лет пожить за её счёт. Не вышло, однако.

Напоследок, перед тем, как выгнать из дома близкую женщину, Божьей благодатью и Божьей милостью соединённую с нею духовно, карга-крёстная крикнула в сердцах: «Бесприданница ты, Валюша! Нет у тебя ничего за душой, и никому ты не нужна!»

Так начались скитания Валентины по чужим углам. В Казахстан её, насквозь россиянку, уже не тянуло.

И ничего, выжила ведь. «Я, как вечный жид, скитаюсь повсюду, – говорила она, делая со мною своей жизненной историей. – География у меня – мама, не горюй! Родилась я в Хатанге, где вечная мерзлота. Мою мать, ещё ребёнком, вместе с её репрессированными родителями, моими бабушкой и дедушкой, выслали из Прибалтики ещё в сталинские времена. Только в школу я пошла – моя семья в Игарку подалась. И занесло потом моих родителей ещё южнее: по комсомольской путёвке приехали они на целину – в Казахстан. Ну, спустя годы, мы очутились в Алма-Ате. И вот снова унесло меня на север, теперь в Приполярье – ведь точно по кругу иду!»

В нашем карельском городке, что вблизи границы был построен, Филькова всё же прижилась. Между тем её поездки – в городской черте – свершались, по крайней мере, раза три, а то и четыре в год. И не потому, что была слишком привередливой она! Видимо, на соседей просто не везло. Снимет Валя, скажем, жильё в какой-нибудь квартире с пятью комнатами, а там сплошь молодёжь. В кухне и прихожей сигаретный дым столбом, музыка гремит – словом, коммуналка. Валя, с роду не курящая и не пьющая, отпаивалась валерьянкой и натирала виски ядрёным вьетнамским бальзамом. Или ещё был случай: вроде бы вариант хороший подвернулся, старушка божий одуванчик, чистюля такая, сдавала свободную просторную комнату – почти хоромы! Только вселилась туда Валюша со своим скарбом, которым обросла стремительно и бес-

поворотню, как приехал из командировки бабушкин сын, амбал лет тридцати пяти. Редким наглцом оказался. Вёл себя как оккупант – наследил повсюду своими сапожищами, оставив пуд грязи, а ванна после его купания стала как в саже вымазанной. Пришлось квартирантке срочно подыскивать другое жильё.

Взлёты и падения преследовали Валентину Филькову с неизменной регулярностью. Незнакомый город ещё надо было завоевывать. Имея в кармане два диплома (один из них – с высшим образованием), она начала с продавца в овощном киоске. Платили мало, и, отдавая выручку за съём комнаты, новичок кормилась «неликвидами» – проще говоря, тем, что могла выбрать из подгнившей кучи овощей.

Зато потом сказочно повезло: в городе открылся аэропорт, который до этого пребывал в длительном забвении. Проще говоря, самолёты не летали с десятков лет. Но нашёлся спонсор – аэропорт подновили и оснастили наилучшим образом. Даже авиаторы столичного Петрозаводска, навещаясь сюда, завидовали белой завистью крутизне современного оборудования.

Филькову взяли на должность начальника отдела по авиаперевозкам. И величали теперь её не просто Валя, как бывало в овощном киоске, а по имени-отчеству – Валентина Егоровна. Среди персонала у неё единственной был опыт работы в международном (Алма-Атинском) аэропорту. Тут-то, на крохотном северном аэродроме, и пригодилась её давешняя многолетняя практика. «В советские годы я часто летала из Алма-Аты за границу. И это несмотря на тогдашний «железный занавес!» – гордо говорила она мне. – Норвегия, Израиль, Европа, США, да что там – полмира было у моих ног!!! А что сейчас? Я прозябаю», – восклицала моя подруга с ностальгической ноткой. Впрочем, говорила она так, собственно, ради красного словца. В ту пору дела её шли в гору. Лучшей наставницы, чем она, для неоперившихся девушек, набранных в штат, было не найти.

А через два года её взяли и...сократили! Возраст, дескать, пора на пенсию. И, главное, из служебной однокомнатной квартиры выселили (да, я забыла сказать, что ключи от неё вручили обалдевшей от счастья Валентине Егоровне, едва она села в кресло начальника отдела).

Есть такое изречение: ко всему хорошему быстро привыкаешь. Зато отвыкать больно. Новоиспечённая пенсионерка Филькова всё никак не могла взять в толк, что её знания и умения уже никому не нужны. Да и аэропорт в очередной раз прикрыли по причине экономического спада в стране. Служебную квартиру, ставшую почти родной, Валентина покидала со скупой слезой на глазах. В никуда выселялась...

Однако не могли сослать её, странницу по городам и весям, никакие трудности! Как ковыль-трава под ударами ураганного ветра клонится к земле, выживая между тем, так и Валентина – чем больше скручивает её судьба, тем крепче, прочнее стоит она на земной тверди. И верит в лучшее «завтра» с неистовой силой. Отчаянно верит в то, что рано или поздно она поймает за хвост удачу, и будет у неё всё – и своя крыша над головой, и тот единственный мужчина, на кого она сможет опереться своим хрупким женским плечом.

И ведь вера эта не пустая. Земля карельская держится на таких людях – стойких, прекрасных силою духа.

В тридцати километрах от городка, в дачном кооперативе, клочок земли приобрёл её, Валюшей Фильковой. Одна из близких подруг, переселяясь на юг Карелии, участок в десять соток подарила ей здесь. Сама не успела к нему приложить свои руки – вот и преподнесла Вале этот дар. Земля на нём каменистая и заросла деревьями. Их корчевать надо. Впрочем, не это важно. Валюша счастлива до небес – теперь не бесприданница она!

Татьяна МАНАКОВА

Наталья Протас
п.Эссоила

Край – Карелия

**Благодатный, дикий, чистый
Край лесных озёр.
Красотой души и мыслей
Славится простор.**

**Рек, речушек сетка нежно
Оплела леса
И ковровый мох безбрежно,
От росы – слеза.**

**Клюква красная на кочке –
Украшение.
Родниковый ключ в лесочке
Вод движение.**

**Кучи белых облачков,
Их скольжение
Над макушкой островков –
Отражение.**

**Блики – солнышка каприз –
Поймать надо бы.
Солнцецвет* закрыл круиз
Соком ладана.**

**То не сновидение – явь
Ближе к Северу
Береги, любви и славы
Край – Карелию!**

* Солнцецвет – ладанник – кустарник, его цветы поворачиваются за солнцем в течение дня, растет на Локском полуострове, в Швеции, в Канаде...отвердевший сок – это ЛАДАН, который используют и в церкви...

«Дикая розочка»

или «Шиповничек» – так называлась сказка о спящей царевне сначала...
(по лат. Rosa canina – Роза собачья-Шиповник)

**Замок красавицы спящей
Роза сапана обвила.
Сказку о деве летящей
В тайне она сохранила..**

**(Сказанное под розой вмиг
Тайною становилось,
Молчать должны под угрозой,
Чтобы не совершилось)**

**А по легенде старинной
Дева Валькирия жила,
Реча над полем былинным,
Погибших души хранила.**

**Только победу однажды
Она отдала другому.
Её усыпили, важно-
Сюжет сочинили новый...**

**Сказку о спящей царевне
В народе враз полюбили,
Знавали в каждой деревне,
Принцам о ней говорили.**

**Кто-то из них попытался
К замку проникнуть, спасти,
Но не всегда удавалось
Сквозь чащу лесную пройти.**

**В сон погруженную деву
Спас поцелуй храбреца.
Вот и конец всему делу-
Свадьба, венец, два кольца.**

**Роза собачья – шиповник...
А тайна? При чем здесь она?
Принц тот – герой-любовник.
Легенда поныне жива...**

Анна Власенко
г. Костомукша

Майская ночь!

**Мне ты, ночь, не шепчи
О весенних рассветах.
Вместе с тающим снегом
Утекаю куда-то.**

**Ни мерцания свечи
В темноте ночи этой
И ни тихого смеха
Мне и даром не надо.**

**Головы не кружи
Ты черемухой в мае.
Ночь, шальным ароматом
В окна мне не врывайся.**

**Песне жаркой души
С упоением внимаю.
Улетают куда-то
Звуки нежного вальса**

Уваркина Ольга

Родилась и живёт в Москве. Окончила Московский институт электронного машиностроения. Пишет стихи различных жанров и короткие рассказы. С 2005 года ежегодно печатается в сборниках и альманахах. Последние публикации: газета «Школьник», № 23, изд. ООО «Издательско-творческий остров СЕМРИК», 2011 г., газета «Интеллигент – Москва», 2011 г., Сборник стихотворений «Nota bene», г. Краснодар, 2011 г., журнал «Сибирёнок», № 7, г. Красноярск, 2011 г. На тексты некоторых стихов написаны песни для авторских альбомов. Член МСП «Новый Современник», член Московского Салона Литераторов..

Московское утро

Не ручку золоти,
А маковки церковей,
Где эхом звонниц неба синь распорота...
Лучом пронзайся в тишь
И до краёв залей
Все уголки распахнутого города!

Крась в охру, алость, медь
Рекламы, бампера,
Люд торопи в подземные артерии...
Проснуться — значит петь
И взять ещё вираж,
Отбросив лень, тоску и фанаберии...

Зови и созидай
Не только вширь, а — ввысь
На языке, сумнящемся нисколечко...
От города-Китай
До кольцевой Москвы
Всего-то час езды без колокольчика.

В Константинове

Здравствуй, славный
и вольный есенинский дух,
Воплощённый в берёзах и бронзе!
Ждал ли ты, что сюда по апрелю приду?
Впрочем, может, не ждал меня вовсе...

Снизу вверх на тебя головёнку задрав,
Разглядеть против солнца пытаюсь...
Изучала б изгибы лица до утра,
Иероглифами из Китая...

Полдень. Пост. Колокольня
Казанской молчит.
А денёк нынче ласковый, знатный.
На речной стороне хороводят грачи,
Возвратившись в родные пенаты...

Дышат свежей землёю проталины троп,
К свету тянется клён долговязый...
На завалину дома присевший сугроб,
Ждёт, чернея, последнего часа...

Тает облако в небе — смешной парашют,
Завиваясь лохматою лентой...
Я на талом снегу тарантеллу спляшу,
Если мне подмигнёт с постамента!

Там...

Там светлый день,
и новый век смеётся
над журавлём, что жалобно завис
у сруба полусгнившего колодца,
подслеповатым «оком» глядя ввысь...
А может,
древний дремлет, вспоминая
о мелочах,
что память бережёт:
был дом другой,
кипела жизнь иная,
где через тропку, наискось — прожог...
За родом — род...
Крошилось и ветшало,
а вышел срок, и — рухнуло
«гнездо».
Над вековой ветлою ветер шальный
взамен его воздвиг воздушный дом...
Там гида нет.
Я не услышу слова.
Про тех, кто жил здесь, сеял, веял,
жал...
Покорные свидетели былого
молчат — дорога,
поле
и межа...
Болит душа...
Там, в красоте раздолья,
мне не найти до смерти тот погост,
клочок земли, куда корнями врос,
однажды перепаханный под поле...

Где ты, ревность?

Где ты, ревность неугасимая,
Доводящая до безумия —
Взрывом бомбы над Хиросимою,
Пеплом дышащего Везувия?

Мне теперь в эту быль не верится.
Только боль прорастает мыслями:
Как живётся, моя соперница?
Муки совести не загрызли ли?..

Смерть змеёю вползла, как гадина,
И безногая, и безглазая...
Всё, что в прошлом, живому дадено.
Не воскреснуть супругу Лазарем.

Стыну я в полушубке беличьём.
Точки в чувствах судьба расставила.
Свёрнут вдвое квадрат Малевича
Вдовым платом, согласно правилам...

Побег

Опять тоскою налегло.
В квадратных метрах
бродит скука.
И день глядит в тени углов
Стежанными
глазами кукол...
От цепких стен —
на волю, в май
Бежать туда,
где солнце пышет
И приосанились дома,
А небо
стало разом выше,
Где тополь
с шапкой набекрень
И в папилютках гнёзд грачиных...
Вот-вот распустится сирень
С ромашкой —
девичьей кручиной...
Пока желтеют островки
Из одуванчиков —
младенцев,
Сбегу из дома от тоски
По зову разума
и сердца...

Стиляга

*Из воспоминаний
моего детства...*

Летний вечер и заняться нечем
В серых стенах новенькой хрущобы.
В трузерах сияет Лёшка Хеча.
Он теперь стилинга. Ну, ещё бы!..

Брюки — не товар от Совпаршива,
И джакеток куплен у барыги,
А в шузах моднячего пошиба
Не хилить готов, до неба — прыгать...

Залихватски чуб закручен коком,
Надо лбом, в поту сооружённый
(Как бы не примялся ненароком,
Чтобы соответствовать фасону).

Дружно ахнут тётки у подъезда
И, поджав подкрашенные губы,
Грозно, делегатками партсъезда,
Прошипят: осудят, как отрубят...

Мать и отчим нынче на вечерке*.
Оттепель... Почил товарищ Сталин...
На бульваре Лёху ждёт девчонка —
Лучшая чува во всём квартале...

** — вечерняя смена на заводе (прим. автора)*

Сосед

Услышит он слова,
Прочтёт ли этот стих?
Ему не воевать —
До дома б доползти...

В трясушейся руке
С прожилками вен
Изношенный пакет,
На вид — пустой совсем...

Пол-литра на похмель,
Две пачки сигарет...
Недавно овдовел,
И сына рядом нет...

Презрения стена
И жалости чуть-чуть...
Судьба или вина,
Когда вослед плюют?..

Такая пустота
В зрачках потухших глаз...
А помню: он летал,
Военный лётчик... Ас!

Андрей Парошин

Поэт. Активную творческую деятельность начал в 2003 году. Стихи в экспериментальных жанрах, юмор, лирики, стихи для детей. В 2011 году вышла книга стихов «Небылицы». Член Международного Союза писателей «Новый Современник» и Московского Салона Литераторов.

НЕБЫЛИЦЫ

Домой возвращаясь полночной порой,
Я плёл поэтический опус.
Курю сигарету. К конечной метро
Подъехал гармошка-автобус.

Зашёл я в автобус, хотел уже сесть:
Один я, сиденья пустые.
Табличка над дверью: «ббб».
Крестясь, посмотрел на часы я.

Но стрелки обратно неслись на часах,
И месяц летел за мгновенье.
Рукой почесав у себя в волосах,
Я вдруг ощутил измененье.

Пропала и плешь, и моя седина, —
Вдруг стал я кудрявым брюнетом.
Внезапно болеть перестала спина,
И грыжа исчезла при этом.

Прилив сумасшедших, неслыханных сил
Почувствовал я, молодея.
Автобус всё дальше меня уносил,
Я думать забыл уже, где я.

Втянулся живот и объёмистый зад,
Что мнил я природы ошибкой, —
Я юношей стал, как полвека назад,
С большой и счастливой улыбкой.

Я вспомнил жену, престарелых
коллег,
Мне стало немного неловко.
Внезапно автобус замедлил свой бег,
В окошко гляжу: остановка.

Я спрыгнул на тёплый
московский асфальт,
Лишь двери успели открыться.
Что делать теперь и в какой детский сад
За помощью мне обратиться?

Я был фараоном великой страны,
В Египте богов было много.
Решил подойти я с другой стороны:
Назначить единого бога.

Я выбрал Атону в соперники Ра,
Он солнышком с неба светился.
Когда же реформа прошла на ура,
Я лёг на кровать и забылся.

Назавтра проснулся, кругом темнота:
Проделки коварного Тота!
Хоть выколи глаз, не видать ни черта,
И душно, и кушать охота.

Я встать захотел, —
вздудась шишка на лбу,
И тут я лишился отваги.
Я понял: лежу я в просторном гробу,
Точней, в золотом саркофаге.

Наверное, впал в летаргический сон, —
В том знак мне божественный явлен.
Иль ты ни при чём тут, великий Атон,
И свитой я недоотравлен?

Я в стенки уперся и мышцы напряг,
И крышку я сдвинул. О чудо!
Я вижу: в гробнице стоит саркофаг,
Повсюду оружие, посуда.

Любимых наложниц скелеты лежат.
О Господи, вот твоя милость!
И тут словно грома раздался раскат:
Стена предо мной обвалилась.

С киркой человек устремился в проём:
«Здесь золото, Джек, посмотри ты!»
Но вдруг он взглянул в направленье моём
И замертво рухнул на плиты.

БАБЬЕ ЛЕТО

О бабье лето, воплощенье фарта!
Пора всенесравненного комфорта!
Сентябрь, сперва обдав морозцем марта,
Нам дарит зной июльского курорта.

И солнышко в лесу — как песня барда,
А в небе лень и нега распростёрта.
Как будто из-под носа Скотланд-Ярда
Бесценное сокровище упёрто.

Но ход часов непобедим, как Спарта,
А лодырь слаб пред корифеем спорта.
И спринтер-ветерок, начав с фальстарта,
Задует листопад, как свечи с торта.

Вистует мгла, и бита лета карта, —
Чехля ракетку, исчезает с корта.
Бредёт разбитым войском Бонапарта
Дождливых дней унылая когорта.

ЭЛЕГИЯ «ВАЗ-2101»

Я некрасив, хотя не так уж стар,
И завожусь всегда с пол-оборота.
Увидел я однажды в блеске фар
Тебя, моя любимая «Тойота».

Зелёным загорелся светофор,
И взвизгнули шипованные шины, —
Я никогда не видел до сих пор
Столь глубоко пленительной машины.

Литые диски — краше в мире нет!
Весь облик обтекаемый и важный.
Спокойный серо-серебристый цвет,
Эффектно оттопыренный багажник.

Меж нами сразу вспыхнула искра,
И стартер закрутило зажиганье.
Клаксон запел восторженно «ура»,
И мой мотор затрясся от желанья.

Педаль акселератора нажал,
И за тобой помчал я без печали.
О, лучше б никогда я не встречал
Тебя на той широкой магистрали...

Японка, обожала ты Восток,
Тебе читал я хокку на рассвете.
Зачем автомобильный бог жесток?
За что он мне послал страданья эти?

Была ты благосклонна: при луне
Мы целовались нежно (бампер в бампер).
Механик Жизнь, за эти ласки мне
Ты перекрыл бензин и двери запер...

Твой муж на автострате нас нашёл —
Повсюду рёв сирены было слышно.
Твой муж — «УАЗ»,
а попросту — «Козёл»!
Да не простой
«Козёл» — «Козёл» гаишный!

Да, может статься, что я был не прав,
Но почему бы здраво всё не взвесить?
Он сразу мне впаял огромный штраф
И отобрал права на целый месяц.

«Королла», я ржавею в гараже
И задыхаюсь от любви и скуки.
В движке нет лошадиных сил уже —
Я наложу на карбюратор руки!

Мне всё равно! Рванусь из цепких пут,
Назло запретам полечу по встречной!
Секунда наслаждения — и капут.
Жизнь коротка, любовь же бесконечна!

Московский Салон Литераторов

СЛУЧАЙ В ЭЛЕКТРИЧКЕ

Едва мы отъехали от полустанка,
Хлопком я был вырван из логова сна:
В вагон электрички заходит цыганка,
Протяжную песню заводит она.

Сюжет этой песни о страсти и боли
Сумел за собой мое сердце увлечь.
Цыганка юна, миловидна собою,
Цветастая юбка и серьги до плеч.

Допев, наконец, про любовь и разлуку,
Пошла по проходу и села за мной.
Я сунул десятку в чумазую руку,
Поймав на себе ее взгляд озорной.

«Спасибо, красавец мой!
Щедрый гусар ты!
Удачи в любви и здоровья тебе!
Давай, мой хороший, раскину я карты,
Скажу, что таится в туманной судьбе!»

И вот замелькали тузы и валеты:
«О горе! Узнай, что за следующий час
По воле злых чар и судьбы амулета
Погибнуть успеешь ты целых пять раз!»

«Как так?» — не успел
я закончить и фразу,
Как с рельсов сошёл наш электросостав.
Я выпал в окно, покатился, и сразу
Сшиб столб головой, и свалился с моста.

Пробив толстый лед,
под водою я скрылся,
Хлебнул мышьяка заражённой реки.
Ушибся, убилися, утоп, отравился,
На крюк подцепили меня рыбаки.

Спасибо еще не за шею — за свитер,
А то бы уж точно я «дёрнул стоп-кран».
Я вылез на берег, лицо свое вытер...
С тех пор не люблю я, ребята, цыган.

ЗЛОУМЫШЛЕННИК

*В Новой Зеландии неизвестные
украли в заповеднике
большую часть 30-метрового
металлического моста.
(Из новостей)*

В воскресенье встал я в семь
И айда на речку,
Под плотву и карасей
Прикормил местечко.

Леска есть, и есть уда,
Сапоги для ила.
Вдруг заметил — вот беда! —
Потерял грузило!

Вот такая ерунда,
Ах ты, ёлки-палки!
Без грузила никуда —
Не бывать рыбалке!

Вот такой вот пережлёт,
Приуныл я было.
Только вижу... вижу: мост! —
Тут и осенило.

Технология проста
(Не сочти за байку):
Подбегаю и с моста
Свинчиваю гайку!

Рыба, лишь приладил снасть,
Как поёрла в руки! —
И плотвичка, и карась,
И злодейки-щуки!

Небывалый, в общем, клёв.
Вместе с младшим братом
Еле-еле мой улов
Донесли до хаты.

Всем про гайку рассказал —
То-то было смеха!
До полночи хохотал
Мой приятель Чехов.

И отныне у реки,
Там, где реют чайки,
Ежедневно мужики
Свинчивают гайки.

Каждый хочет без забот
Знатное грузило,
Их отвадить не могёт
Никакая сила.

СНОВАГОДНОЕ РОСТРАВЛЕНИЕ

Ледяг-крушатся снебажинки
Над серебреском тополян,
Узорят веткие былинки
Кольлье броскошных бриллиан.

Якутан джингл-беллой снегой
Дремлеет стихий хрусталес,
Вейсь город ЗАмир на ночеge
В бреддверье сказдничных чудейств.

Хол.-дуют всеверные wetры,
Мятя ползёмкой на угад,
По SIMним соолицам, проспектрам
Гридёт торшественный порад.

Легкуй, прилесная эльфey,
Глети: настал поэтот дзень!
Кхмельным алголосоm Арфея
Пойод вальшебная свирень.

Вскипайка, флага декабрюта,
Звучиж, весельский кромкий cMEXX!
Wallной баглянца и zoomтруда
Сверткay брызкристый фейервверх!

Светным FANTАном словословья
Пустькай исполднятся падчты!
Сейчасья! Градусти! Здобровья!
Трудач, глубви и грацоты!

Надежда Гусева

Поэт и прозаик. Родилась и живу в Москве. По профессии врач, окончила 2-ой МГМИ им. Пирогова. Стихи пишу давно, но с особым увлечением в последние два десятилетия. Печатаюсь в сборнике памяти «Лев Ошанин», журнале «Юность», газете Пенковского района Тверской области «Звезда», сборниках «Прикосновение», «Московский Дом», в журнале «Московский BAZAR». Член Московского Салона Литераторов.

Июнь

Гудят над зеленью июня
В тягучей сладости цветов
Несметные посланцы ульев
Над морем приторных даров.

Ложусь в траву, как на перину,
И удивляет мысль меня:
Как будто в чреве исполина,
Смотрю наверх — в просторы дня.

Берёзы, словно белый веер,
Качнулись в небе голубом,
С голов кудрявых локонов веет
Свободно над земным челом.

Добрый знак

Первая любовь так поздно?! Неприлична,
Обществу смешна,
по сути — фантастична,
Будто молнией прожгла и сбила с ног,
И на землю с неба опустила.

Дар? Проклятье? Поучительный урок,
Рикошетом угодивший в эпилог?
Главное открылось правдой страшной —
Я жила фонариком бумажным.
Спичку брось — и без следа опять сгорят
Узелки узоров тонких в ряд,
Уничтожив рай иллюзий слова
И открыв сумятицу былого.
Я считала за любовь любви слова,
И от них кружилась голова...
Зимних лет любовь, снегами осыпая,
Замела, как пух, в моих слезинках тая.
Я напрасно кутаюсь в платок
И крутой глотаю кипятком,
Губы то и дело обжигая.
В печке — синей птицей уголёк,
Сиротливо пёрышком сверкая,
Оборвал последний завиток.

Так любить — возможно ли кому?
Сердце привыкает биться с болью,
Нежность, заточённая в неволе,
Наплевав на стыд и на вину,
В мыслях устремляется к нему,
Обжигает плоть до кончиков ногтей,
Будто совести самой она святей.

Я не верю в злые происки чертей,
Слишком весел их настрой лукавый,
Искренне любить — не в духе их затей.
Но тогда за что, ответь мне,

Боже правый,
Этой пыткой меня Ты наказал?
Может быть, для собственной забавы,
Предлагая пригубить бокал,
Влил мне лихорадочной отравы?
Может, нагнетал Ты пульса стук,
Чтоб поэзией правдивых мук
Чуткого читателя тревожить?
Светлый Бог, Ты опалил мне кожу,
В наше время без неё беда,
Нервы оголённые истошно
Стонут, словно в бурю провода,
И никто из смертных не поможет —
Иск богов — бездонная вода,
Не добраться до причины никогда.

Я допью остаток тёплый в чаше,
Не кляня минувший день вчерашний,
Вспяшь разбег секунд не повернуть,
Не помогут ни мольбы, ни академия.
Молоточек бьёт до отупения:
О любви непознанной забудь —
Затерялся твой счастливый путь.
Поманила иллюзорная удача
И метнулась, призрачно маяча,
В мутной круговерти над рекой.
Я врасплох застигнута пургой,
Мысль одна — как в этой व्यюге выжить?
Я не слышу, Боже, голос твой,
И руки твоей, прости, не вижу,
На сто вёрст лишь ветра дикий вой.

Может, всё ж для дьявольских пари
Мне напомнили роман про Бовари
(С дамой помоложе, что ни говори)?
Где в метаньях Бовари — одни потери,
Не завиднее, чем в худшем из борделей.

Для каких мифических материй
Я несла земной любви потери?
Буря сносит с ветхой баньки крышу:
Голой рождена и отойду — нагой,
Бездна подбирается всё ближе,
И в лицо отчётливо мне дышит
Равнодушной Вечности покой.
Человек проходит как изгой,
И Никто, Никто его не слышит...

Я не буду ссориться с земной судьбой,
Что владеет ангельским терпением,
Ангел по пятам несётся тенью,
Только оглянись в момент любой,
И тогда увидишь добрый знак.
Всё, что было у меня не так, —
Не совсем от дьявола или Бога.
Пробираясь через тьму и мрак,
Я найду сама свою дорогу,
Не теряя Света добрый знак.

Кувшинки

Там, где плотной стеной камышинки
Охраняют прибрежный покой,
Золотились под солнцем кувшинки,
Ночью скрытые тёмной рекой.
«Одолень» - заповедное слово,
Я держала в ладони цветок,
Вспоминая про сказы Бажова,
И в душе пробежал холодок.
В круге зелени мрамор корзинок
На воде чуть заметно дрожал,
Будто дудочки стеблей их длинных
Кто-то тихо на дне поправлял.
Ясно виделись тёмные ночи,
Стайки призрачных дев у воды,
Серебрились русалочки очи
В предвкушении сладкой беды.
Появился из зарослей путник:
И пригож, и кудряв, и красив;
Вышел леший — насмешник и сводник,
Гостю пьяной водицы налив.
Поначалу играли с ним в салки,
Чтоб взыграла у юноши кровь,
И, целуя, резвились русалки,
Заставляя любить вновь и вновь.
После ночи по-летнему жаркой
И дурмана от пряных цветов,
Поутру, кроме снасти к рыбалке,
Не осталось от парня следов.

Незабудка

Незабудка ясноглазая,
Филигранный лепесток,
Незатейливо прекрасная —
Нежный ситцевый цветок.

И в тени у кадки брошенной,
Присоседалась в садах,
Вдоль канавки неухоженной,
И за банькою в кустах.

Утонул в её соцветиях
Уголок любимый мой,
В сказку сада с фото летнего
Заглянула я зимой.

Незабудок стайки дружные
Все печали отметут,
Дни судьбы не вечно व्यюжные —
Вновь друзья ко мне придут.

Падают птицы...

*...Человек всегда творил
Бога по своему образу...
Поль Анри Гольбах*

Ну, для чего, а верней почему,
Падают птицы, не сбывшие пулей?
Может быть, боги от скуки вздремнули?
Вышним их грёзам мор птиц ни к чему.
То ли мы сами пернатых сгубили,
То ли причастна озона дыра?
Тучами пепла вулканы забили,
Дождь ледяной, наводнения, жара,
В волнах цунами — со смертью игра.
— Может, Архангелы сбор протрубили
С тем, что им Землю почитать пора? —
Пьяный копатель изрёк у могилы,
Был он философом видным вчера.
Для простоты иллюзорных идей,
Воспринимал он Богов как людей.
Консулы Бога и вправду в заботах,
Что-то строчили в небесных блокнотах.
Кворум достойный собрал Михаил,
Перечень фактов подвёл Гавриил:
— Вял и изнежен стал Хомо цивилинный,
Отчасти в том виноват и прогресс —
К неге комфорта растёт интерес
К роскоши, к лени, к жратве изобильной,
Многих к тому подстрекает и бес.
Плоть обрела над духовностью вес.
Не удержать их библейскою книгой,
Золото правит земною квадригой.
Волчи законы, преступников своры,
В ранге достоинства хитрость жулья,
Скопище бедных, Содом и Гоморра,
Сброд извращенцев, иуд и ворья.
Черти похитили ящик Пандоры,
Высыпав клоны мутантов гнилья.
Геев парады, балдёж от иглы
И сумасшедших фрик-шоу балы,
Лига мошенников дышит свободой,
Клеть уступив оборванцам голодным,
В тюрьмах томящимся вроде скота.
Низменно смрадным стал дух атмосферы,
Попрана святость, и вера не та.
К Богу явились, открывши уста:
— В общем, на грешной Земле маета, —
Молвили Ангелы с грустью во взоре.
— Словом, Я создал людшек зазря! —
Взвился Творец. — Я не иму позора —
Божий закон не для хомо-зверья!
Этих страхнём без морок — прямо в море,
Ну и других понаделаем вскоре,
В райском саду всё же скучно без них,
Да поделите на тройки Святых.
Змея держите в заоблачных сферах.
Действовать будем по пунктам умело
Небезызвестного «Общего дела».
Падшему Ангелу для искупленья,
Грех осознавшему с истинным рвением,
Смело доверим с ним иже заблудших,
Выдадим молний и атомов штучных.
Пусть вышибает всю дурь из тупых,
Ради раскаянья, способом лучшим.
Если ученые случайно продрых,
Можно и проше — коленкой под дых,
В общем, по выбору —
действенной мерой.

Да принесите ведёрко мадеры,
Яблочек райских, гирианд золотых,
В полночь отпразднуем новую эру.

Цветы в садах, как восковые,
Как разноцветные огни,
Раскрыли лепестки тугие —
Налиты влагою они.

А в вазах дома дорогие,
На них похожие, стоят,
Но те — душистые, живые,
А в этих — творческий заряд.

И там и здесь неповторимость —
Своя особая черта,
И даже лютика наивность
При близком взгляде не проста.

Номинация “Проза” Старшая группа

1 место
Роскошная Алина
МКОУ СОШ № 7, 7 класс
пос. Висим

Солнечный цветок

Однажды в солнечный весенний день на полянке в городском парке случилось чудо: хрупкий нежно-зеленый росточек проклюнулся из влажной земли. Но никто этого не заметил, все спешили по своим делам. А маленький росток, протягивая свои изумрудные ладошки, тянулся к свету и всё думал: «Зачем это я на свет появился? Не просто же так?».

Шло время. Хрупкий росточек превратился в растение с резными листьями, а в центре кустика загорелся ярко-желтый огонёк. Одуванчик раскрыл глазки. Жить бы ему да радоваться, ведь жизнь так прекрасна: солнышко дарит свое тепло, дождик листочки омывает, ветерок обдувает. Но не радуется Одуванчик. Так хочется ему узнать, зачем он на свете живёт!

Однажды на желтый цветок присела трудолюбивая Пчёлка. Она с усердием стала собирать пыльцу и вдруг увидела слезинку в нежных лепестках.

- Что случилось, огонёк? — спросила она.

- Мне грустно, я никак не могу найти ответа на простой вопрос: для чего я живу на белом свете, и никто мне не может помочь.

- Не плачь, Одуванчик, ты просто живи и радуйся, ведь жить — так хорошо! — сказала Пчелка и улетела на другой цветок.

Прошло время. Одуванчик сменил свой наряд. Теперь он стал похожим на круглый пушистый шарик. Он повзрослел и уже не ронял слезинки, но все равно верил, что живёт не зря.

И вот летним июльским днём по лужайке пробежал Ветерок. Он был лёгкий и весёлый, ему хотелось поиграть, порезвиться, но было не с кем. Вдруг в траве он увидел круглую головку одуванчика. Ветерок крикнул цветку:

- Хочешь со мной поиграть? Летим вместе!

Одуванчику так надоело одиночество, ему так захотелось стать таким же лёгким! Он встрепенулся и всеми пушинками потянулся к голубому небу. Ветерок подхватил невесомое облачко и разнёс его по всей полянке. А через месяц вся лужайка в городском парке была усыпана солнечными одуванчиками. Люди гуляли и восхищались золотым ковром.

Теперь одуванчик знал, в чём смысл его жизни — дарить людям маленькое солнышко. Много маленьких солнышек. Ведь жизнь без солнца невозможна!

Одуванчик

Уронило солнце
Лучик золотой.
Вырос одуванчик
Первый, молодой.
У него чудесный
Золотистый цвет.
Он большого солнца
Маленький портрет.

2 место

Светлана Давидович
г. Тагил, 15 лет

Я смогу, мама! (отрывок)

Возвращаясь с курсов, беспокойно поглядываю на часы: без четверти десять. Мама будет недовольна.

Быстро перебегаю дорожку, кутаюсь в шарф, стараясь спрятать лицо от ледяного ветра. Никогда не любила зиму.

Поднимаюсь на лифте и, наконец-то, открываю дверь.

- Mam, я дома! - кричу я, на ходу снимая шапку. С удивлением отмечаю, что в коридоре нет таких знакомых замшевых сапожек.

Мама нет дома?

Словно в подтверждение, свет во всех комнатах выключен, и никто не отзывается на мои слова. Мама не выходит, как обычно из кухни, не спрашивает, почему я задержалась, и не зовет ужинать.

Я и забыла, ее просто больше нет дома.

В изнеможении падаю на колени, так и не сняв сапоги. Из зала выбегает кошка Тыква, названная так из-за серо-рыжей шерсти. В полумраке коридора ее глаза напоминают два ярких изумруда. Она тихо мяукает, садится рядом и тычет своим влажным носиком в мою ладонь.

- Сейчас покормлю тебя, - рассеяно говорю я ей и чешу за ушком.

- Я должна привыкнуть к одиночеству, - словно заведенная, повторяю я.

Пока Тыква ужинает, захожу в мамину спальню. Она оставила много вещей, и

Итоги детского конкурса «Проба пера-2012»

потому я никак не могу привыкнуть к ее отсутствию.

Неожиданно раздается звонок домашнего телефона, беру трубку. В полумраке комнаты мне становится немного неуютно.

- Юлька, привет, - на том конце провода слышится веселый голос Димы, парня, с которым мы вместе ходим на курсы. — Не разбудил?

- Нет. Я только что домой вернулась.

- О, значит, ты была сегодня на занятиях. Это хорошо. Можешь дать мне конспекты?

- М-м-м... Ладно, - не слишком охотно соглашаюсь я.

- Тогда я зайду к тебе завтра. В три тебе удобно?

- Да, конечно.

В трубке слышится детский голос, а потом смех. Это, наверное, Аня, младшая сестра Димы.

- Ладно, Юль, я пошел. Анютка просит поиграть с ней, хотя ей давно уже пора спать, - по-доброму усмехается Дима и, бросает напоследок, - С меня тортик!

Отключается.

- Пока! - только и успеваю сказать я.

В квартире тут же становится тихо и очень одиноко. Захожу на кухню, ставлю чайник. Я не ела часов с пяти, и хотя аппетита нет, нужно заставить себя поесть. Машинально включаю телевизор, сажусь на диванчик, с боку тут же пристраивается Тыква. Она довольно урчит, когда я чешу ей живот, и в скором времени засыпает. После этого я действительно остаюсь одна.

Никогда не думала, что буду испытывать такое острое чувство одиночества, ведь мама всегда была рядом. Теперь она за четыре тысячи километров. У нее новая жизнь, новая семья, которая требует много внимания. К тому же другая страна, культура и язык (с которым у нее проблемы). Маме некогда звонить мне каждый вечер и спрашивать о прошедшем дне. К тому же разница во времени, дорогие международные звонки — разделяют еще больше.

2 место

Колесникова Елена
МОУ «СОШ № 12», 10 «б» класс
Г. Магнитогорск

Мой скрипач

Осень. Парк. Листья медленно падают на землю. Ветер подхватывает их, кружит, поднимает с земли и вновь бросает. Это он так играет.

Аллея тянется в глубь парка. В центре стоит фонтан. Вокруг фонтана — скамейки. Люди. Кто-то сидит, кто-то куда-то неспешно бредет.

И вот так же к центру парка шел один человек. В легком черном пальтишке, в потертанных перчатках. А в руках футляр. Он подошел прямо к фонтану. Положил на землю футляр и достал скрипку.

Кашлянув, словно призывая народ к вниманию, он заиграл. Необычная мелодия. Фантастическая. Невозможно было поверить, что играет эту мелодию человек.

А я сидела прямо напротив него. Завороженно смотря, я почти не дышала. Боялась, что это обычный сон. Но, нет. Это была реальность. Невероятная, но реальность.

Люди кидали ему деньги в футляр. А я боялась встать и положить эти денежные бумажки. То ли сил не было, то ли просто боялась, что он перестанет играть и уйдет. Я слушала до тех пор, пока не стемнело. Скрипач стал собираться. Уходя, он мельком взглянул на меня. Ах! Какие же у него были глаза! Яркие-оранжевые. Они, казалось, светились в темноте!

Он ушел так же неожиданно, как появился. А я смогла уйти только через час.

На следующий день он вновь пришел, как и я. И вновь звучала необычная музыка. Сегодня я решила дать ему денег. И когда я кинула в футляр бумажки, он вскинул на меня глаза. Даже чувством было, что я обожглась!

И так было каждый день. Как-то раз я села очень близко, чтобы полностью прочувствовать музыку. И он мне улыбнулся. Такая добрая, искренняя улыбка. Я была счастлива.

А он все так же играл, несмотря на погоду, на то, что в парке, порой кроме меня, никого не было. Он уже был моим скрипачом. Так я его и называла: «Мой скрипач». И даже во сне он тоже приходил ко мне.

Но осень начала уходить, впуская зиму на свое место. И «мой скрипач» уже реже стал появляться. И как только снегом замело парк, он исчез. Перестал приходиться. А я словно кого-то потеряла...

Как-то раз, замерзнув окончательно, я забежала в кафе. И он тут же был. Все в том же легком черном пальтишке и в тех же потертанных перчатках. Увидев меня, он позвал взглядом. Я села рядом.

В его взгляде был все тот же «неугасающий» огонек. И я ему быстро и тихо сказала:

— Я Вас приглашаю к себе домой — на кофе.

Он улыбнулся. Встал, взял свой футляр и, протянув мне свою руку, прошептал:

— Пойдем же! У меня родилась для тебя мелодия!

3 место

Насонова Валерия
МБОУ гимназии № 18, 7 кл.
г. Нижний Тагил

Единство и контраст

Черное и белое... Как часто в жизни, даже моей подростковой, сталкиваются эти два цвета!

Суровый черный костюм сразу делает живым белоснежная блузка; мокрый грязный асфальт перестает раздражать нас, идущих в кружеве падающих белых снежинок; черные липы в скверах превращаются под светом старинных фонарей среди белого снега в изумительные стройные существа, загадочные и притягивающие.

Рожденная весной, я обожаю именно это время года: все черное, грешное, скопившееся в нас за белую зиму, разноцветную осень и пестрое лето, отступает в сильнейшей панике, отступает навсегда перед свалившимся откуда-то с других планет бело-розовым морем цветущих яблонь...

Вот уже три весны я буквально благоговейно перед этой священной белой красотой! В это время начинается торжественная белая полоса в моей жизни: многоцветная игра на черном роле - и абсолютно никакого ощущения усталости, многочасовые прогулки с мамой среди цветущих яблонь - и ни секунды желания оказаться даже в роскошном транспорте.

Черные грачи на островках уцелевшего белого снега на нашей старой даче, светлая, радостная музыка (черной музыки я в это время не слышу!), белые яблони, голубое небо - вот что для меня ВЕСНА!

Удивительно, но все «черное» совершается в другие времена, но не весной! Хватают в «черные» объятья болячки, ссоры, большие и маленькие неудачи. «Белое» начинается с приходом весны: тружусь, серия удач, летаю.

Мама смеется, объясняя «зебру жизни»: чередование и столкновение «белого» и «черного».

Пусть еще не до конца я понимаю закон о единстве и борьбе противоположностей: ведь не всегда черное для меня является олицетворением зла, а белое - олицетворением добра...

Сам процесс познания этого удивительного столкновения, противоборства делает мою жизнь интересной, торжественной, красивой.

На старой горе Шихан, что стоит в центре Висима, жил-был Ручеек. Родился он от родника «Неупиваемая чаша», стекал по пологому склону и радовался жизни.

Неугомонный был характер у Ручейка: любил он похвастаться своей чистой ключевой водой, холодной да прозрачной: «Я самый чистый ручеек во всем Висиме, все ко мне ходят в гости за водой, кланяются мне, благодарят меня. Иногда даже надоедают своими похвалами».

И, правда, все ходили на Шихан за водицей: и бабушки, и приезжавшие туристы, и дети, которые ходили мимо в лес за грибами. И все хвалили его за холодную водицу, никто не проходил мимо Ручейка.

А внизу, под горой его встречали животные: стада коров, овец — все хотели пить.

И дошло до того, что люди стали приезжать на Шихан с большими канистрами, на машинах, из других поселков и набирать воду на несколько дней вперед.

В Ручье с каждой канистрой становилось все меньше и меньше воды, и была она мутная и не такая вкусная. Но Ручеек все равно продолжал по привычке хвастаться, он журчал: «Приходите ко мне все, на всех моей воды хватит».

Долго ли, коротко ли, а дни становились все жарче, солнце светило все сильнее, и голос у Ручейка становился все тише и тише.

Однажды человек, живший рядом с ручьем, забросил в него шланг, включил насос и стал поливать свой огород. Ручей не выдержал и высох. Все стали печалиться, что такой вкусной воды больше не попить. Проходила мимо него старая бабушка, присела она рядом с ним. И говорит она высохшему Ручью: «Вот ты дохвастался и высох, не попить нам больше твоей холодной водицы».

Долго ждали люди следующей весны, надеялись, что Ручеек опять зажурчит свою песню.

Прошел почти год. И Ручеек опять зажурчал, но уже не хвастался никому своей водицей, потому что он понял, что скромность продлевает жизнь.

3 место

Валейшо Настя
МОУ «СОШ № 56», 7 класс
Г. Магнитогорск

Лестница в небо

Весь день хмурилось небо, набрасывало тучную шаль и готовилось разрыдаться мелкими каплями дождя. Оно словно поседело от нестерпимо жгучего горя. Наши ученые называли бы это насыщением воздуха в атмосфере, но это не так. Просто небеса потеряли солнышко, гулявшее по его голубым полям.

Вечером небо даже не порозовело, только ночью тучки растворились в синеве, и зашелестели по земле так долго сдерживаемые слезки. Но почему-то только этой ночью одна девочка захотела посмотреть в окно, и её взорозило бледное лицо Луны, усеянное маленькими капельками дождя. Прекрасные золотистые локоны мягким свечением спалили до земли и отражались в неглубоких лужичках. Её глаза любовно убаюкивали Землю и ласкали воображение теплыми переливами настроения богини Луны.

Девочка выбежала в сад и замерла, увидев это великолепие вблизи. На яблонях и виноградной беседке сидели светлые ангелы, в реке резвились нежные нимфы, распевая легкие песенки и вторя соловьям. Летали невиданные птицы и кружились в воздухе крошечные феи. Сияли капли дождя, повиснув на тонких лунных лучиках и составив лестницу в небо. Сад стал раем, но стоило ей не осторожно коснуться лесенки, как она исчезла. Сад стал садом, не плескались больше нимфы, не летали птицы. Ничто не волновало тишины, кроме слабых отголосков дождя.

Только после этого девочка еще сильнее захотела найти длинную лестницу, которая достала бы до Луны, чтобы там с прекрасной богиней увидеть своих родителей на крошечной Земле, а заодно и посмотреть, кто же на самом деле поливает Землю дождем.

Номинация “Проза” Младшая группа

1 место
Сафин Кирилл
МБОУ № 32, 3 «В» класс
г. Нижний Тагил

Как мы победили Злючку— грязнючку

(отрывок)

Летом мы живём на даче. Однажды я и мой брат Дамир пошли в лес за грибами и ягодами. Мы взяли корзинки, маленькие ножички и баночки для земляники и черники. А ещё мы прихватили с собой термос, бутерброды и конфетки, чтобы перекусить по дороге. Шли мы шли, но ягод и грибов нам почти не попадалось. Вместо них мы видели фантики, окурки и банки от пива. Мы ушли довольно далеко от дома. И тут мы увидели за ёлками и соснами хорошенькую полянку. Я очень обрадовался, ведь обычно в таких местах и растут ягоды и грибы. Вышли мы на эту полянку, стали заглядывать под деревья да под листики, но нашли один только мусор. Очень огорчились мы, ведь наши корзинки и баночки были почти пустыми. Мы уже устали бродить по лесу и решили попить чай. И вдруг... на полянку выскочила Злючка— грязнючка. Она была очень страшная, вся облепленная мусором, грязная, неумытая. От неё пахло настоящей помойкой!

— Ага,— закричала она. — Здравствуйте, детишки! Давно ко мне на полянку никто не заглядывал. Вижу, вы кушаете? Кушайте, кушайте, хорошие мои. Вкусненько вам? Вы только, пожалуйста, мусор— то с собой не забирайте, а здесь оставьте его. Фантики от конфеток, мешочки от бутербродов. А то почти никто ко мне не приходит, да и половину моего мусора уже птицы растаскали.

Сначала мы очень её испугались, но потом, когда поняли, кто к нам пожаловал в гости, мы очень разозлились на неё.

— Уходи, поганая Злючка— грязнючка! Посмотри, из— за тебя в лесу перестали расти ягодки и грибочки! Ни за что на свете мы не будем мусорить в лесу!

— Ах, так! — закричала Злючка— грязнючка. — Тогда убирайтесь вон с моей полянки!

— Хорошо! — сказали мы, и пошли домой.

Но мы не убежали оттуда со страхом, просто у нас созрел очень хороший план. Мы вернулись домой и рассказали обо всём. И тогда, дружно, всей нашей большой компанией, мы собрались возвратиться в логово Злючки—грязнючки. Пошли все: мама, папа, бабушка, тётя Аня, дядя Игорь и даже маленькие Артёмка, Зося и Карик. Мы взяли с собой большие пакеты для мусора и тронулись в путь.

1 место
Алина Мецгер

Почему Зима с Летом, а Весна с Осенью встретиться не могут

(отрывок)

Много-много лет тому назад, когда землю покрывал только снег и лёд, на Земле жила Зима. Жила она одна и от этого одиночества была очень суровой. Решила она как— то попросить Солнышко и Месяц, чтобы подарили они ей сестрёнку. Солнышко и Месяц выполнили просьбу Зимы, и у неё появилась сестрёнка Осень. Осень была очень красивая, но она сильно скучала и поэтому постоянно плакала. Когда она выходила из дворца, на землю сразу начинал капать дождь. Тогда Зима снова обратилась к Солнышку и Месяцу с просьбой, чтобы они подарили ещё одну сестру — подружку Осени.

И на этот раз Месяц и Солнышко не отказали Зиме, и появилась у них сестра Лета. Сестра Лета оказалась сухой и задиристой. Когда она выходила из дворца, на земле начинало всё таять, а затем наступала засуха. От этого сестра Осень становилась ещё грустнее, и снова дожди начинали заливать землю. Пошла Зима снова к Солнышку и Месяцу, и стала просить подарить им ещё одну сестру:

— Пусть она будет весёлой и доброй, и чтобы все её любили.

Так появилась у них ещё одна сестра — Весна. Весна была такой доброй и весёлой, что когда она выходила из дворца, на земле сразу теплело, всё расцветало и просыпалось — растения и животные.

Затем выросли деревья, а на деревьях поселились птицы. Стали они петь о том, как прекрасна Весна.

Позвала Весна сестру Лету и говорит:

— Смотри, какой прекрасный цветок взошёл на поляне.

Пришла Лета и началась жара. Стал цветок засыхать. Испугалась Лета и позвала Осень.

— Полей его,— попросила она.

Стала Осень поливать цветок, но столько воды на него вылила, что смыло цветок. Ещё больше расстроилась Осень, ещё больше рыдать стала и позвала она Зиму. Пришла Зима и все, что цвело — замёрзло, звери спрятались от холода. Птицы улетели.

— Что ты натворила?— возмутилась сестра Лета,— ты всех погубила.

— Не виновата Зима,— заступилась за сестру Весна,— это Осень своими слезами все погубила.

Долго спорили сёстры и, вконец разругавшись, разлетелись в разные стороны: Зима на север, Лето на юг, Весна на восток, а Осень на запад.

2 место
Котёлкина Валерия

Шк. 65, 4 «Г» класс, 11 лет
г. Магнитогорск

Сказка «АНЯ И КРОЛ»

(отрывок)

Жила девочка Аня. Она была умной, послушной девочкой и хорошо училась в школе. Но только очень не любила читать детские книги и сказки. Целыми днями она сидела у телевизора и смотрела страшные взрослые фильмы. Это очень огорчало её бабушку.

Как-то раз Аня пришла из школы и опять села перед телевизором.

— Анечка,— позвала её бабушка,— ну, сколько можно смотреть эти страшные фильмы! Давай я тебе лучше сказку про принцессу прочитаю.

— Не хочу! — разозлилась Аня. Навоела мне твои сказки, они для малышей! А я уже совсем взрослая!

Расстроенная бабушка ушла на кухню, а девочка включила звук громче. И вдруг в комнате внезапно потемнело, пронёсся вихрь и закружил Анечку со страшной силой.

Очнулась школьница в странном месте. Вокруг всё было серо— чёрное. Серое небо, серые дома, чёрные дороги. Ни одной травинки, ни одного цветочка вокруг не было.

А рядом с Аней стоял страшный зверь.

— Ттт-ты кто?— заикаясь от страха, спросила девочка.

— Я,Крол, — ответило существо. — Я покровитель всех страшных фильмов. И собираю детей, которые их любят. Ведь ты тоже любишь взрослые фильмы?

— Люблю, — ответила Анечка, — а для чего тебе нужны дети?

— Я им помогаю,— сказал Крол. — Они устали от своих бабушек, добрых сказок и весёлых мультфильмов. И ты теперь тоже так будешь жить. Пойдём, я покажу тебе твой дом.

Испуганная девочка покорно пошла за Кролом.

— Вот мы и пришли, — сказал Крол. Вот кровать, на которой ты будешь спать, а вот телевизор, по которому целый день идут самые страшные—престрашные фильмы. Я уверен, тебе здесь очень понравится.

С этими словами он вышел из комнаты. Аня забралась с ногами на кровать, поглядела вокруг и горько заплакала.

Вдруг девочка услышала шорох. Из дырки в полу вылез маленький пушистый и очень яркий шарик.

2 место
Егоров Михаил

МБОУ СОШ № 32, 4 кл.
г. Нижний Тагил

У каждого свои недостатки

(отрывок)

В одном самом обычном лесу жил самый обычный медвежонок. И, как у всех самых обычных медвежат, у него был самый обычный большой рост.

Медвежонок очень страдал, ему было жутко неудобно. Например, когда его звали в гости зверята, которые были не такие большие, ему приходилось нагибаться, чтобы не стукнуться головой о потолок. Или в лесу, когда все собирали землянику, которая почему-то всегда пряталась под листьями, самые спелые ягоды доставались не ему. Вот если бы земляника росла на деревьях, тогда наш мишка был бы чемпионом по сбору ягод! А прятки!!! Это же просто обидно! Не всегда удаётся найти укромное местечко. Да что там говорить, даже не очень

укромное найти не просто! Эх...

И вот однажды, после очередной такой игры в прятки, наш медвежонок сел под елку и заплакал. Мимо как раз пробегал зайчонок. Увидел он плачущего мишку и, надо сказать, очень удивился. Ведь, как ни крути, сложно понять маленькому зайке, от чего же может заплакать такой могучий медведь.

— Что с тобой произошло? Почему ты так расстроен? — осторожно спросил косой.

Всхлипывая, медвежонок поведал о своей беде.

— Никогда бы не подумал, что можно переживать из-за такой глупости! Быть большим — это же так здорово! Ха-ха! Разве ты на самом деле думаешь, что маленьким в лесу живётся легко? — прямо завопил зайчонок во весь свой слабый голос.

А затем поведал о своей «веселой» жизни. О том, как душа уходит в пятки, когда из— за кустов неожиданно выпрыгивает что— то страшное (даже если это страшное впоследствии окажется всего лишь такой же маленькой лягушкой). О том, как бежишь наутек от каждого хруста ветки, как пугаешься любой тени в сумерках.

— Вот если бы был у меня большой сильный друг. Тогда бы никто не смог меня напугать. Никто! — мечтательно протянул зайчонок.

Медвежонок почему— то подумал, что, наверное, если бы у него был друг, он тоже бы не стал грустить о неудачных играх в прятки. И земляника была бы слаще. И вообще...

— А давай я буду тебя защищать, и, э-э...ну, как его там... я и другом твоим быть могу, ну если ты согласен, конечно, — отчего-то стесняясь, прошептал мишка.

3 место
Чибук Дарья

Политехническая гимназия, 3 «В» класс
г. Нижний Тагил

Забавные воробьи

Однажды летом мы с мамой сидели на скамейке возле автовокзала и ждали своего рейса. Недалеко от нас стояло несколько такси. И вдруг мы заметили, что вокруг этих машин как— то странно кружатся воробьи. Ещё и не сразу поняли — в чём же странность. Воробьи подлетали к номеру автомобиля и на некоторое время застыли в воздухе, очень часто махая крыльями. Ну, прямо, как колибри! Что же они там делают? Оказывается, на номер налили букашки, а воробьям очень удобно их склёвывать. Столько много букашек, и все в одном месте!

Воробьёв всё прибавлялось. Удивительно быстро они сседали свою добычу. И сидевшая рядом девушка решила их подкормить семечками. И опять мы заметили какую— то странность в поведении воробьёв. Подлетит воробей к семечке, расклюёт её, а сам не ест — подзывает других. Скачут к нему другие со всех сторон. Сами гораздо меньше, и каёмочки жёлтенькие на клювиках. Вот это да! Воробьи— родители приучают своих детей к взрослой жизни. Клонет воробей по семечке, она и расколется на части. А воробушки— желторотики пытаются склевать эти кусочки. Да ещё мимо— то получается! Тогда воробей— мама или воробей— папа берёт частичку зёрнышка и вкладывает в ротик малышу. И при этом причиркивает:

— Ну что, вкусно? Ну что, вкусно? Понял, как надо?

А чужие воробьи к малышам не лезут. Сидит маленький возле семечки, пищит, просит, чтобы ему расколоть её помогли. Рядом воробьи скачут, но сразу понятно, что это не родители. Клонют себе своё, внимания не обращают. И только мама или папа спешат научить своего ребёнка.

Вдруг к воробьям присоединился голубь. Такой большой и сильный! И быстро начал клевать семечки, отбирая их у воробьёв. Но! Отгонял от еды только взрослых птичек! А малышей не трогал, обходил их стороной! Пускай учатся!

Удивительное дело! Оказывается и у птиц, как у людей, есть такое правило: малышей не обижать!

3 место
Анфилов Саша

МКОУ СОШ № 7, 4 класс
п. Висим Свердловской обл

Веселый гость

Однажды в висимский лес прилетел марсианин, он был весёлый и зелёный, как тот лес, куда он приземлился.

Марсианин оглянулся и увидел невиданных зверей. Стал он с ними знако-

миться. Но зверюшки испугались и разбежались во все стороны. Бродил, бродил прищелец по макушке Шихана и наткнулся на старый дуб.

Дерево не могло убежать от страха, поэтому спросил дуб у марсианина: «Кто ты? Откуда ты прилетел?»

Марсианин был вежливый и рассказывал, что прилетел с далекой красной планеты Марс: «Я давно наблюдаю за вами и хотел посмотреть на вашу планету. А ты кто?»

— А я старый дуб — всем помощник. Я в этом лесу самый главный.

Марсианин попросил:

— Помоги мне познакомиться со здешними обитателями, меня все боятся.

— Наверное, это потому, что у тебя такой вид. Ты смешной, зелёный, с большими ушами и зубами.

— А мама говорила, что я самый красивый и умный. Она мне доверяет, и отпустила меня погулять на вашу планету.

— А ты познакомься с зайцем, он такой же как ты смешной и маленький. Вы с ним легко подружитесь.

Побежал марсианин на полянку и увидел охотника. Он уже почти нажал курок, бедный заяц дрожал от ужаса и не мог сдвинуться с места.

Марсианин подумал: «А вот и мой ужин!». Он радостно подошел к охотнику и съел у него ружье. Потом он увидел патроны и облизнулся: «Пирожное я особенно люблю, а с начинкой еще лучше!». И съел все патроны. Охотник не знал, что и думать. «Ты что делаешь?» — закричал он. «А что такого? Я очень люблю железо, у нас на Марсе мы уже все свое железо съели». Охотник испугался и убежал. А заяц обрадовался и говорит:

— Ты теперь мой самый лучший друг. Пойдем, я познакомлю тебя со своими друзьями. Мы тебя еще угостим, тут у нас охотников много ходит.

С тех пор на Шихане живет маленький человечек, а зверюшки радуются жизни, в них никто не стреляет.

3 место
Матвеева Вероника

МБОУ СОШ № 32, 4 класс
г. Нижний Тагил

Принц Азул

(отрывок)

Предисловие

В зоопарке в одной счастливой павильной семье родились два маленьких павлинка. Родители назвали сыновей: Азул и Саджи.

Почему— то павлинчики с рождения не ладили друг с другом. У Саджи был очень скверный характер. Он всегда плох себя вел, дурачился, а его брат Азул был добрым и отзывчивым. Так началась эта история.

Побег из зоопарка

Азулу нравилось в зоопарке. Он дружил с тремя пингвинчиками, слоненком и сторожевой собакой. А Саджи здесь не нравилось, он нашел выход и ушел в глубь леса. Тем временем работники зоопарка решили, что Азул уже слишком большой, чтобы жить с мамой и посадили его в соседнюю клетку.

Павлина расстроили перемены: побег брата, переезд в другую клетку. Тогда он решил последовать примеру брата и убежать в лес. Азул предложил своим друзьям бежать вместе. Друзья с радостью согласились.

Жизнь в лесу

Зверята нашли в лесу несколько толстых бревен и построили небольшой домик, в котором все вместе поселились. Прошло несколько дней. Жизнь в лесу была просто чудесной: листья стали их кроватями, еду они таскали из зоопарка, а игрушками были маленькие шишки и яблоки, падавшие с деревьев. В зоопарк они ходили не только за едой, но и чтобы навестить своих мам, по которым очень скучали. Когда зверюшкам не хотелось бежать в зоопарк, тогда они брали корзинки, сплетенные из маленьких веточек и травы, и шли собирать ягоды и грибы.

Настоящий переполох

Тем временем в зоопарке был настоящий переполох. Работники заметили пропажу зверят. Директор не могла поверить, как несколько маленьких питомцев смогли выбраться из клеток с титановыми замками и крепкими решетками.

Работники тщательнее проверили все замки, поставили много ловушек, чтобы ни один зверь не вышел из зоопарка.

Азул был вне себя: Как они теперь будут питаться, ягодами и грибами зверят не прокормить?

Болгария

НАША МОЛИТВА В ЧУЖОМ МОНАСТЫРЕ

Плотным налетом осел на белых розах пепел сожженных сел. Над Болгарией гудит благовест. Идет на подмогу православная сестра – Россия. Да где же она? Где? Здесь у Ниша турки построили Чели-Кулу из человечьих черепов. И Стару Загору не обошла беда.

15 тысяч самых крепких мужчин уничтожили. Надругались над женами и детьми.

Пять тысяч воинов не захотели признавать мусульманство. Пять тысяч, как один, отвечали:

- Я христианин!

И не дрогнувшая рука турка рубила, рубила, рубила головы без устали...

Пала Болгария на колени пред иконами в священной молитве. Никакой лирики романтической. Только смирение. Ожидание. Надежда во взоре туда, на восток, встречу солнцу, туда - где Русь!

Русско-турецкая война 1877—1878 годов — война между Российской империей и союзными ей балканскими государствами — с одной стороны, и Османской империей — с другой, была вызвана подъёмом национального самосознания на Балканах. Жестокость, с которой было подавлено Апрельское восстание в Болгарии, вызвала сочувствие к положению христиан Османской империи в Европе и особенно в России. Попытки мирными средствами улучшить положение христиан были сорваны упорным нежеланием турок идти на уступки Европе, и в апреле 1877 года Россия объявила Турции войну.

В ходе последовавших боевых действий русской армии удалось, используя пассивность турок, провести успешное форсирование Дуная, захватить Шипкин-ский перевал и, после пятимесячной осады, принудить лучшую турецкую армию Осман-паши к капитуляции в Плевне. Последовавший рейд через Балканы, в ходе которого русская армия разбила последние турецкие части, заслонявшие дорогу на Константинополь, привёл к выходу Османской империи из войны. На состоявшемся летом 1878 года Берлинском конгрессе был подписан Берлинский трактат, зафиксировавший возврат России южной части Бессарабии и присоединение Карса, Ардагана и Батума. Восстанавливалась государственность Болгарии (завоевана Османской империей в 1396 году!) как вассальное Княжество Болгария; увеличивались территории Сербии, Черногории и Румынии, а турецкая Босния и Герцеговина оккупировалась Австро-Венгрией.

Этой весной исполнится 135 лет побед русских войск под Старой Загорой.

А что мы, русские, знаем об этом?

Оказывается - мало. Очень мало. А хотим ли мы знать больше? В непонятной, загадочной любви болгар к русским многое становится понятным, если приоткрыть действительные исторические факты.

Вдоль дорог, ведущих с Балкан в Софию, воздвигнуто множество памятников в честь славного подвига русских освободителей. Только в нынешнем Софийском округе их насчитывается тридцать девять. Они: по всей земле балканской.

Но вот в чем нюанс.

На памятниках высечены имена героев офицеров. И нет имен солдат. И не было. Ведь раньше солдат считался как бы приложением к офицеру, несмотря на отмену крепостного права.

После кровопролитных сражений с башебузуками остались на мраморных плитах лишь перечисление частей и подразделений, участвовавших в боях с турецкими оккупантами.

В сооружении памятников, увековечивших подвиг героев, сражавшихся за свободу Болгарии, активно участвовали те болгары, которые имели счастье плечом к плечу сражаться с сынами русского народа, русскими воинами. Это болгарские ополченцы. Благодаря деятельности Ополченного комитета, возглавляемого Стояном Займовым, в конце 19 века в Болгарии было построено много памятников, открыты мемориалы и музеи, которые в течение десятилетий способствовали воспитанию болгарского народа в духе признательности и беспредельной любви к его освободителю

— великому русскому народу.

Первым памятником, построенным этим комитетом, был Памятник освобождения, воздвигнутый в Софии на площади Народного собрания.

Выразительность фигур русских и болгар хорошо передает основной замысел и идею автора памятника — братскую дружбу и бескорыстную помощь, оказанную русскими воинами болгарскому народу.

С трёх сторон гранитного пьедестала — востока, юга и запада, под рельефами видны бронзовые барельефы, рассказывающие о важнейших эпизодах войны — сражении под Стара-Загорой и спасении Самарского знамени, подписании Сан-Стефанского мирного договора и открытии Учредительного собрания в Тырново.

Но вернемся к Старой Загоре. 19-31 июля 1877 года, если не считать турецких захватчиков, при освобождении города погибло примерно 350 болгарских и 300 русских воинов.

Город отличается памятником подполковнику Павлу Калитину, носителю Креста Святого Георгия за героизм на поле брани, ставшему национальным героем Болгарии.

Ценою собственной жизни он спас «самарское знамя» — реликвию, подаренную болгарским ополченцам монахинями самарского Иверского монастыря. Это полотно стало первым боевым стягом создававшейся регулярной болгарской армии. Имя Калитина болгары чтут и по сей день, а идея поставить памятник на родине героя, в Холме, появилась еще 2 десятилетия назад. Жители Старой Загоры собрали деньги на установку пятиметрового монумента Калитину в Холме. Дороже всего оказалось доставить изваяние в Россию, ведь этого почти 3000 километров!

Теперь в России стоит памятник болгарско-русскому герою — в России болгарский «солдат»... Бронзовый бюст его в виде Георгиевского креста, влитого в мрамор.

Так каждая война вбивается крестами в историю.

И мы должны помнить об этом.

В Старой Загоре для местных жителей, в пример нам, русским, ежегодно происходит действо сродни театральному. Снова и снова идут турки войною. И снова и снова побеждают их русские воины, спасают знамя. И знамя то хранится бережно в музее. И каждый болгарин может прийти и поклониться ему, напитаться энергетикой победы.

Старагорское историческое общество ведет постоянные исследования собитий тех лет. Любомир Выхов, уроженец города, после определения на пенсию вплотную занялся этим вопросом.

Он нашел и расшифровал в желтевших секретных документах действительные имена солдат, сражавшихся бок о бок с подполковником Павлом Петровичем Калитиным. На свои средства заказал макет изготовления каменных плит, где сейчас высекаются имена всех погибших русских гвардейцев под Старой Загорой, офицеров, прапорщиков и простых солдат. Дело благотворительное обходится ему не даром. Одна фамилия — один лев. Плюс мраморные плиты. Плюс бюрократические трудности. Плюс общие, потрясшие все постсоциалистическое пространство экономические (но главное духовные!) кризисы. Несмотря на принадлежность теперешней Болгарии к НАТО, не смотря на политику нынешнего руководства «православием» в России и руководство «православием» в Болгарии, он утвердил макет в мэрии своего города и получил официальное разрешение на реконструкцию и дополнение к монументу. Также запланировано новое благоустройство вокруг памятника в виде цветников и

«Да исправится молитва моя
Яко кадило пред тобою:
Воздеяние руку мою,
Жертва вечерняя...»

(Псалом 140, начало)

газонной травы.

Любомир Выхов знает русский язык и любит русский язык, нашу историю. Когда-то он учился в институте Москвы. Сам город Старая Загора плотно сотрудничал с Советским Союзом до Перестройки. Выполнялось множество совместных заказов.

Именно Любомир и обратился за помощью к России, чтобы она, в свою очередь, поддержала этот проект. И он нашел ее.

- Зачем вы это делаете? - спросили мы его.

- Я хочу, чтобы русские, приехавшие в Болгарию, узнали в этих скупых строках, высеченных на камне, фамилии своих предков, поклонились пред могилами дедов и поблагодарили их за героизм. Чтобы они зажгли в храме свечи за упокой святых их душ, как делаем это мы, болгары.

Город Стара Загора просторный, современный. Небольшой. Он гордится не только памятником Павлу Калитину, но и самому высокому в Болгарии памятнику освободителям в Великой Отечественной войне против фашизма. И «вторым» Алешей.

Рядом находится Бузлуджа, знаменитая вершина Балканских гор, героическая Шипка, белые монастыри и церкви, известная на весь мир долина роз в Казанлыке, в двухстах километрах - золотые пески побережья Бургаса.

«Хороша страна Болгария...!» За ее свободу стоило воевать. За волеизъявление православных болгар находить отдохновение под сводами храмов и упиваться ликами святыми.

Как объясняют православные, икона — это окно в мир Бога, а каждая зажженная свеча — душа, разбуженная для молитвы. Души русских витязей нашли вечный сон у мраморных памятников на Балканах, они ждут нашего одобрения, и может быть, понимания. Поглядите на фото! Смелые. Красивые. Многие из них младше нас.

И помяните минутой молчания достойных сынов России, не посрамивших чести и славы русского оружия в дни ожесточенных битв. Запалите свечи «жертвой вечернею», как болгары это делают, как делали это наши предки, внемлите в чужом монастыре своему уставу и своей молитве. А вдруг он окажется не чужим!

Болгария зывала к братьям. И так же, как столетие назад, братья откликнулись.

Любомир Выхов нашел в интернете меня и обратился, как к писателю, поднять в России и Украине эту проблему. По новым документам было написано повествование в рассказах «БАЛКАНЫ», включившее в себя множество интересных для читателя историй.

Организация «Трудовая доблесть России» помогла с благоустройством памятника и внесла вклад в его реконструкцию.

Но Генеральным спонсором явилась организация «За сбережение народа», и лично Николай Ляпо, внесшие лепту на всех уровнях — исследовательском, историческом, патриотическом, финансовом, организационном.

Наталья Кравченко

Автор публикаций в ряде журналов и альманахов, в том числе «Саратов литературный», «Эдита», «Русское литературное эхо» и др. Лауреат международного конкурса поэзии «Пушкинская лира», дипломант конкурса «Серебряный стрелец». Живёт в Саратове.

* * *

Я жила, как во сне, в угаре,
слыша тайные голоса.
А любила — по вертикали,
через головы — в небеса.

Бьётся сердце — должно быть, к счастью...

Сохраняя, лелея, для,
всё ж смогла у судьбы украсть я
два-три праздника, года, дня.

Умирая, рождалась вновь я,
поздравляя себя с весной,
с беспросветной своей любовью,
той, что пишется с прописной.

* * *

Взвалю на чашу левую весов
весь хлам впустую прожитых часов,
обломки от разбитого корыта,
весь кислород, до смерти перекрытый,
все двери, что закрыты на засов,

вселенское засилье дураков,
следы в душе от грязных сапогов,
предательства друзей моих заветных,
и липкий дёготь клеветы газетной,
и верность неотступную врагов.

А на другую чашу? Лишь слегка
ее коснётся тёплая щека,
к которой прижимаюсь еженощно,
и так она к земле потянет мощно,
что первая взлетит под облака.

Фёдор Назаров

Эгоист

Что твоя вера, юридический злой старик,
Слабая часть в партитуре пустых дорог,
Ведь для существ, не видящих
между строк,
Вся твоя музыка —
сдавленный птичий крик.

* * *

Что же твой голос —
охрипший морской ревун.
Был бы услышан —
мог бы нагнать тоски,
но в мегаполисе Старые Васюки
слушать не принято. Ста миллионов
лун
хватит едва ли на то, чтобы райский
сад
вновь окунулся в шёпот людских
молитв...
Ты бы напел им что-нибудь,
но мотив
Был позабыт много жизней тому
назад.

* * *

Что твоя память - походный станок
“Жиллет”.
Режет всё хуже, хуже...
И всё трудней
не оставлять в щетине последних дней
ржавый налёт незаметно минувших лет.

Дряхлые мойры порвут золотую нить,
В мире твоём оставляя из всех предтеч -
Время.
И если оно перестанет течь,
попросту некого станет
боготворить...

* * *

Что твоя вера, юридический злой кумир.
Я бы не верил в твою неблагую весть,
Но, утверждая, что сотворил наш мир, -
Плачешь.

Плачешь, а значит,
Всё так и есть.

Светлана САВИЦКАЯ

Минзифа Ахметшина

Руководитель студии «Литературная гостиная» АГНИ - член Союза писателей РТ, лауреат премии им.Р.Тухватуллина

Перевод с татарского Шамиль Гильмутдинов.

Рябиновая осень

Отозрела давно земляника с малиной,
Вкус почти позабыт, смыт дождем аромат.
Я иду по тропинке, любуюсь рябиной,
На ее ярко-красный осенний наряд.

Бог создал этот мир, как художник картину,
Разделив равномерно на все времена.
Все творенья свои и вот эту рябину,
Светлым символом осени служит она.

И в который уж раз, я рябиной люблюсь,
На закате рубинами грозди горят.
В эти светлые ночи душою волнуясь,
Ветки алой рябины со мной говорят.

Земляника с малиной давно отозрела,
Вкус почти позабыт, смыт дождем аромат.
Если что-то я в жизни своей не успела,
Мне напомнит об этом рябины наряд.

Возвращение

Здравствуй отчий дом мой, как живешь?
Знаю, что скучаешь ты по нас.
Окнами при встрече мне моргнешь,
Вывалась к тебе я лишь на час.

Вспомнить я хочу свои мечты,
Старенькую яблоню обнять.
Ту, что одинока, как и ты,
Боль разлуки в сердце не унять.

Мы от жизни лучшего лишь ждем,
Отправляясь в дальние края.
Вспоминая изредка о том,
Как там дом родной мой, без меня.

Белые березы под окном,
Скромными невестами стоят.
Яблонька, березы, отчий дом,
Пусть мои молитвы вас хранят.

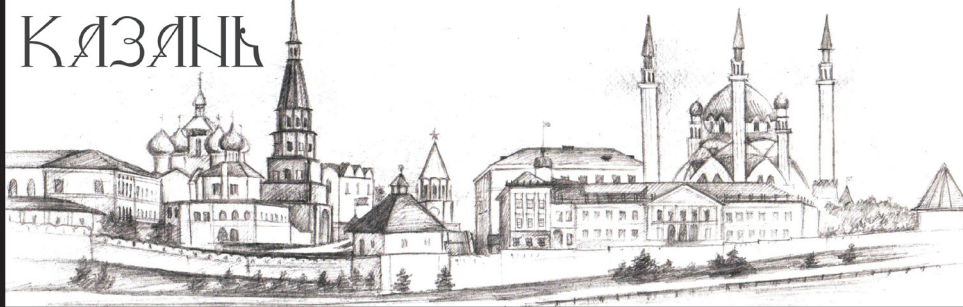

Эдгар Ишмиев

Студент 5 курса факультета инженерной механики АГНИ

Под лампой мысли

Еще теплый лапсанг —
сушонг, мерцающий свет лампы.
И я на небе нашел осколок правды.
Осенние забавы,
людские нравы, правы те.
Кто верит в светлое, я остаюсь наедине
Со своей ручкой и чистой бумагой белой.
И что интересно мешает
подняться людям в небо.
Козырек подъезда, под тонким слоем снега.
Поймал мой взгляд,
взгляд одинокого соседа.
Очертания теней в моем блокноте
Я не думал, что среди людей
буду таким одиноким.
Сгущаются под лампой мысли,
ожившие на листе.
Скользят чернила, дыхание в пустоте.
Мой сплин, мое состояние души.
Экстрим не уместен, и лишь одно “дыши”.
Крутится в голове,
сгущаясь с тонной слов.

«Литературная гостиная» АГНИ Альметьевский государственный нефтяной институт.

Среди авторов - стипендиаты премии им. С.Сулеймановой, учрежденной Фондом духовного возрождения «Рухият» ОАО «Татнефть» совместно с Союзом писателей РТ, победители республиканского фестиваля студенческого творчества им. С.Сулеймановой «Тормыш, исэн-ме!», который проходит в Альметьевском государственном нефтяном институте один раз в два года и других литературных конкурсов.

Мой чай на столе, я нарушаю время снов.
Я не курю, делая вид,
что я занимаюсь чем-то.
Я жив, я не убит.
И наслаждаюсь моментом.
Вся наша жизнь - ожидание предстоящего.
Возможно наступившего, не настоящего.
Я размышления свои кидаю на страницы.
Входящие сообщения пусты,
вокруг пустые лица.

Я закрываю глаза
и вижу сады Семирамиды.
Не описать на словах, как они красивы.
Я вдыхаю в легкие морской бриз
Я слышу крик чаек, и заполняю лист,
Все эти образы рисует воображение.
Райской жизни образцы
на каждом изображении.
А наяву, да к черту, что там наяву.
Ломать голову за теликом мне ни к чему.
Я не знаю что там
с правительством, и в мире.

Я сижу сегодня под лампой
один в квартире.
М-да, наверное, так можно сойти с ума.
Насколько инфо в голове, на 32 гига?
Нужно срочно прибраться
на полках мозга,
Стереть пыль прошлого,
что осела там надолго.

Печальная осень,
будто в неделю восемь дней,
И мы носим реквизиты
в этом театре теней.
Людей, спешащих постоянно
по своим делам,
Зачем придумали любовь?

Я никогда не понимал.
Уже светает скоро, с ночью визави,
Подходит к концу, и я палю в сети
Онлайн — я, и онлайн — ты.
Но, к сожалению, разрушены давно мосты,
И я слил этот опыт давно в сортир.
И я многое тогда упустил,
И не надо было, наверное, но я простил..
К черту это все! И чай уже остыл.

Вафин Айдар

Стипендиат премии им. С.Сулеймановой, 2011г.

Обязанность — выжить!

Меня вдруг понесло..
Кувырком, кубарем, снежным комом,
Ударил молнией, пробило дно веслом
Фарватор потерян и компас сломан.

Раздражение рвется зверем,
Спокойствие глушит печаль..
А когда-то был тих и размерен,
Сейчас же готов сорвать скальп

С себя, со всех, кто не слышит,
Уйти ото всех, как будто в пятнадцать.
Гордость не даст сигануть с крыши,
Слабость не даст дальше сражаться.

Ха, наивно и глупо, и больно..
Противно до боли от слов безнадежных..
Вроде и плен сейчас добровольный,
Но время идет и так жить невозможно!

На жалобы силы уходят мигом,
На стоны дыхания хватит едва..
И тело разорвано тысячью игл!
Обязанность — выжить.
Не помню права...

Гильмутдинов Шамиль

Доцент кафедры транспорта и хранения нефти и газа АГНИ, кандидат технических наук

Дарите женщинам цветы

Дарите женщинам цветы
И говорите комплименты
Не только в первый день весны,
А ежедневно, непременно.

Дарите женщинам любовь
Ежеминутно, ежечасно.
И признавайтесь вновь и вновь,
Ведь это чувство так прекрасно.

Не обещайте звезд с небес,
Гор золотых, порою мнимых,
И «мыльных», призрачных чудес
Для нежных и душой ранимых.

Боготворите красоту,
Вы женщину боготворите.
За нежность, верность, доброту
И руку с сердцем ей дарите.

Берега

Мне очень жаль, что мы с тобой,
Как берега одной реки.
И на ветру ночной порой
Поют нам песню тростники.

И песня эта так грустна,
Что вновь серебряную нить
Бросает на воду луна,
Чтоб берега соединить.

Моим друзьям

Казалось бы, какой мне век,
Едва перевалил за сорок.
Но время ускоряет бег,
И жизнь летит без оговорок.

И не вернуть уже друзей,
Оставшихся в далеком прошлом.
Мы рассуждали без затей
В умах, не ведая о пошлом.

Мы целовались при луне,
И руки в меру распускали.
И что-то там про Шаганэ
Подругам на ухо шептали.

Диляра Умарова

Стипендиат премии им. С.Сулеймановой 2010г.

Игрива, умна, переменчива —
Любой потеряет покой.
Для всех — идеальная женщина,
Но я ее знаю другой.

Я видела боль и истерики,
И тушь на любимых щеках.
Душа из тончайшей материи,
А голова в облаках.

Не может собрать предложение,
Чтоб мысли свои изложить.
Вся вечно, в каких то сомнениях,
Не учится правильно жить.

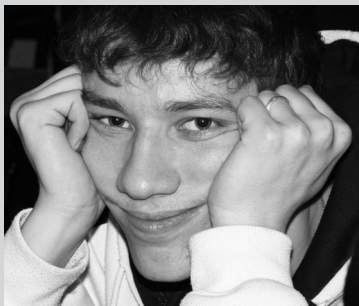
Плюет на чужие амбиции,
На все, но кроме своих.
Срывается на репетиции,
И часто жует за двоих.

Утром

Море ласковое в свете
Золотых приливов искры,
И случайно на рассвете,
В небе две звезды зависли.

День их гонит: «Прочь из ночи!»
Тает млечная дорога.
Только каждая так хочет,
Там побыть еще немного.

День приходит так прекрасно,
Свет из ночи разливая.
Вот одна из звезд погасла,
А за ней ушла другая.

Леушин Дмитрий

Группа 25-01 ФИМ, стипендиат премии им. С.Сулеймановой, 2008г.

Осень

Промокшая осень из дней прохладных
Впотьмах глядит на наше жилье..
А мы вспоминаем о лете нарядном,
О ночных вечеринках и о песнях его.

В городе золота осталось то лето,
Пропало рассветы рыбацких сетей,
Охотничьих тропок за пропастью света,
За мелкою рябью и скукой дождей.

Такое протяжное, гулкое эхо
Блуждает меж сосен,
тревожит мой взгляд,
Листья желтые на землю роняет,
Рождая бессовестно звонкий парад.

Зануда ты, осень, мое запустенье
И разве можно услышать за мутью окон,
За ветреным всхлипом мое сожаленье,
Надежду на лето грядущих времен?

Фёдор Смоляков

Аспирант кафедры Дореволюционной отечественной истории КубГУ, преподаёт историю в школе и в университете.

* * *

За небом-Небо.
За рукой-Рука.
Где я был? Где не был?
Встречаю День сурка.

За словом-Бог.
За мыслью-Человек.
Мы идем бок о бок,
Встречая новый век.

За морем-Море.
За рекой-Река.
И в радости, и в горе
Мы вместе на века.

За строчкой-Стих.
За мной-Никого.
Городской гул стих
Для меня одного...

* * *

Почему-то всё вокруг
Напоминает листопад:
Люди движутся по кругу
То вперед, а то назад.

“Все пройдет. Пройдет и это.”-
Слово молвил Соломон.
Но ни в жизнь глупее бреда
Не слышал я. Это он
Превратил смешные будни
В серых листьев людопад,
Когда нету лиц на лицах
Все толкнутся невпопад.

И я понял: дело плохо.
Дайте книгу и ружье,
Чтобы я пошел по миру
С глупым криком “Ёмаё!”,
Чтобы я увидел рожи,
Морды, мордочки, Лицо,
Чтоб читал глупец на коже
Древний символ подлецов.
Чтобы вновь увидеть личность,
Затерявшись среди лиц,
Чтобы возродить публичность
И упасть пред Богом ниц,
Чтобы прекратить кружение,
Глупый, пошлый людопад...
А пока в воображеньи -
Осень. Холод. Листопад.

* * *

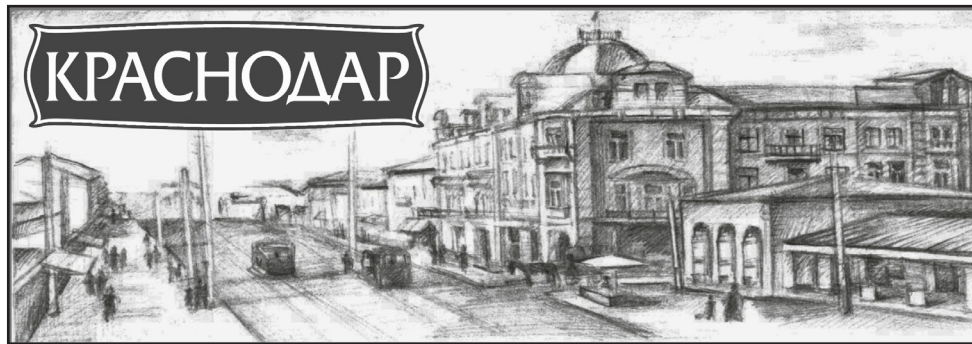
Милая, нежная...Милая,
Как ты сейчас далека.
И разведенная вилами,
Пляшет в тумане река.

Тикают тихо часики
В душной тиши ночной.
Ставлю на сердце тазики
Под протекающей головой.

Ходят они все, ходят.
А хочется просто взять
И, как мечту находят,
Перевернуть время вспять.

Хочется просто обнять тебя,
Чтобы свернувшись в клубок,
Ты положила голову,
На мой загорелый бок.

Хочется, хочется...Хочется...
Но в голове опять
Вертится мысль голая:
“Часы не воротишь вспять”.

Ладейщиков Даниил

Родился в г. Каменск-Уральском. Творческую деятельность начал в 2010 году. Первые осознанные произведения написаны в 2011 году.

На распутье

Вторые сутки пеленою небо кроет,
Мы ангелы, мы птицы воплоти,
Божественно и хладнокровно,
Мы любим, и ненавидим,
нам людей родных,

Где грань между добром и злом,
Где то, что называется любовью,
Душа живет в раю, а мы живем,
И знаем только боль и реки крови,

Святыни станут обелисками,
Ветра укажут верный путь,
А мне лишь только радость близких,
И только в них я вижу истину свою,

Мы лиц - зреем на закате,
Тепло окутывает страх,
Последний день перед созданием,
Вселенная вселяла души в нас,

Пустые люди алчны,
В себе посеяли вы зло,
Вас погубила жадность,
Откройте сердце, откройте для себя добро.

Наедине

В моей палате становится
всё меньше счастливых людей,
Все те друзья, те отношения
любовь всё это выдумал я сам,
Я медленно вдыхаю дым и
понимаю, что сошел сума,
Холодный кофе на столе
уже не греет, как это было,
например, вчера,

Я бью по сердцу едким ядом
в надежде выбить из себя слезинку,
Хоть каплю той, неистово
паршивой низости,
Взглянув на вас сквозь призму,
Я стану кем то, но не вами точно,
Я стану бабочкой ночной,
И буду жить одним мгновением,
Питаюсь ярким солнцем и свежим
проливным дождем,

Нас убивает время, правда, нас
убивают,
Пустыми мыслями, и чувством,
Которое сожгли, продали, или
просто выкинули в урну,
Мы убиваемся в надеждах,
что завтра будет лучше,
Что завтра выпадет удача,
а нам синоптики
На завтра обещают дождь
и слякоть за окном,

Я спрячу сердце по карманам
раздав его тем, кто нуждается во мне,
Я спрячу жизнь в пустых палатах,
создав внутри храм для души,
Я спрячу жизнь, и путь к ней, я
оставлю не известным,
И только дым всё будет, знать
Ведь только он меня поймет.

Александр Минский

Студент 4 курса Кубанского государственного университета физико-технического факультета. Интересы: литература, спортивное «Что?Где?Когда?», иностранные языки, путешествия. Публикации: сборник портала Стихи.ру. Участник поэтического конкурса «Свободный микрофон», организованный управлением по делам молодежи Краснодар.

Моё сердце

Моё сердце дрожит как студень
В моё сердце приходят люди
Забыв, что сердце моё
В нём люди строят метро,
магазины, парковки, квартиры,
устраивают каминны,
распивают водку и вина,
рождают детей
(чтоб сердцу стучать озорней)
И всё это не кончается
А сердце — старается
Не Москва ведь — растянется
Ведь выселять
всегда так
жалко!
Сердце — не иномарка
(Лечится верным словом,
Не разбивается буреломом).

Солнце курило трубку

Солнце курило трубку:
«Уже давно пора выпускать луну!
Что за шутка?!
Целый час уже жду!»

Проплыло кучевое облако:
«Солнце, да скоро уже!
Люди изменили Времени!
Такие нравы в этом поколении»

«Ах, вот как?!» -
воскликнуло солнце в сердцах,
«Люди мне не указ!»

«Солнце, помилуй!», - облако,
«Это же не Европа,
здесь даже ты, Солнце,
подчиняешься Президенту

Свети себе по-новому
или очень скоро
заменят тебя на лампу
по причине недоверия главных».

Время

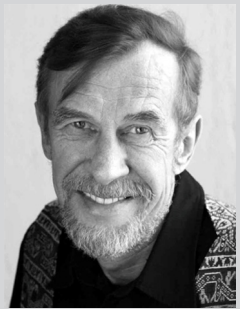
Открой двери настееж! Слышишь?
Это время идет по Земле!
Протирает подошвы и крыши,
провождает людей и клише.
Разбивает скамейки и парки,
Ударяет в ансамбли домов,
Хламом делает иномарки,
отпускает привязанных псов

Время
Никому никогда не грубило,
Справедливый тиран над лицом
позабывшего нынче кумира -
время смотрит под лецом

Время лечит халатность присяжных,
время правит ошибки волхвов.
Время чистыми делает грязных,
Время вяжет букет языков.

Время прячется за кулисой,
Как настырный чудака-режиссер,
Время бьет в облака коромысел
Театральных приспущенных штор

Время не знает о вакууме
Время — у времени вор!
Каллиграфией станут каракули,
Тайною — разговор.

Сергей Аболмазов

Родился в 1948 году в г. Орле. В 1974 окончил художественно-графический факультет Орловского государственного педагогического института. С 1976 года участник выставок профессиональных художников. Работал художником-постановщиком в театре кукол, ТЮЗе, драматическом театре в Орле. Затем в драматических театрах Пскова, Грозного, Выборга и др., где оформил более ста спектаклей. С 1993 года работает главным художником Краснодарского академического театра драмы. Неоднократно становился лауреатом пер-вых премий в разделе театрально-декорационного искусства.

Зал ожидания

Я на вокзале уходящих поездов
Сижу смиренно в зале ожидания,
Где нет ни мест, ни касс, ни расписания,
Лишь горы скарба, чемоданов и узлов.
Я здесь давно, уже который год,
С нехитрыми пожитками своими,
В костюме черном и печальном гриме,
Тоскую дни и ночи напролет.
О, как обрыдли суэта и кривотолки,
И бесполезных ожиданий гнет.
Где проводник, который подмигнет
И место даст на самой верхней полке?

Памяти отца

Ко мне приходят сны военных лет...
Излучина реки по-над широкой поймой,
В руке моей армейский пистолет
И мне никак не справиться с обоймой.
Жму на курок, но пуля не летит,
И смертный ужас подступает к сердцу.
Меня то в пот бросает, то знобит,
В окопе стылом не могу согреться.
Я вижу сны фронтовика-отца,
Его глазами вижу ад кромешный.
Войне проклятой нет и нет конца,
Кругом враги и пулеметы СМЕРШа.
Мы с ним в окопе на высоком берегу,
Над нами облака разорваны шрапнелью.
Я юного отца от пули берегу
И укрываю собственной шинелью.
О, как страшны и тягостны те сны,
Они отцу до самой смерти снились.
Теперь же я, не видевший войны,
Сдаюсь смиренно снам его на милость.

Нить Ариадны

Когда в руках Божественная нить,
Стараюсь быть, а не казаться.
И лучше миру удивляться,
Чем мир пытаться удивить!

На исходе ночи

Склон горы в тумане тонет,
Предрассветный полумрак.
Тихо плещет на балконе
Простыня, как белый флаг.
Черный кофе, сигарета,
Сизой нитью дым в окно...
Хорошо ли быть поэтом,
Если Богом не дано?
И плести из рифм банальных,
Флагу белому молясь,
Пошлых строк исповедальных
Незатейливую вязь?
Тишина, и нет ответа.
Над горой полоска света
Взгляд зовет в иную даль,
На исходе ночь и лето,
Догорает сигарета,
Кофе кончился, а жаль.

Линия жизни

В позабытом вагоне,
На земле праотцов,
В нашей Богом забытой Отчизне,
Я зароюсь в ладони,
Исцарапав лицо,
Неудавшейся линией жизни.

ИЗРАИЛЬ ХАЙФА В гостях у газеты литературная студия “Анахну”

Елена Текс

Мой сад камней разбросан на песке.
Я созерцаю прошлое с волнением.
Уходит год. На тонком волоске
Все, что свершилось. С новым настроением
Проснешься утром — новый год и день...
Но рассмотреть, что будет, очень сложно.
Взойдет светило и отбросит тень,
Чтоб разделить, в чем истина, что — ложно.

Инна Костяковская

С уборками и стирками
покончу на корню,
каблчками-шпильками
сердце проколю.
Ритмы танго четкие
Подкрадутся к нам,
может, выпьем горькую
мы напополам.
Сюрприз неожиданность,
полумрак и свечи...
И уйдет обыденность
хоть на этот вечер.

Мария Фердман

И опять стучат колеса,
Отбивая свой мотив,
И мелькают вдоль откоса
Клёны, лист позолотив.
И зовут, зовут тропинки,
Словно в детстве, прямо в лес.
Но смахнула я слезинки,
Не пошла на переезд,
Подавила все желанья
И свободы не ждала...
Я вокзалу ожиданья
Свое счастье отдала

Марк Тверской

Каждый выбирает для себя

*“Но если Слово разойдется с кровью,
Я Слово выбираю для себя”.*
Александр Городницкий

Вещая первым криком свой приход,
Родителей себе не выбирают.
Родство по Крови создает народ,
Родство по Слову образует стаю.

Народ — он тыл, он дом и он опора,
Не выйдешь из народа за порог.
А стая — это дьявольская свора,
Где, кто сильнее, у того пирог.

В бараках гетто не остыли нары,
Еще дрожит прощальная струна,
Стенает Бабий Яр, гудят Понары...
Там было много Слов, а Кровь — одна.

Во все века действительность сурова.
Кровь или Слово? Выбрать надлежит.
Еврей, который выбирает Слово,
Забыл, сто в стае это слово — жид.

Евгения Босина

Как ни бросишь, ляжет нечет,
Что ни скажешь, выйдет ложь...
Ты спросил меня при встрече
Мимоходом: «Как живёшь?»
Как живу?... Сама не знаю...
Как во сне или в бреду:
То лечу, а то по краю
В край неведомый бреду.
С каждым днём судьба всё строже —
Ни полцарства, ни коня...
Поживи со снятой кожей —
Всё узнаешь про меня.
Но светло и беспечно
Я в глаза твои смотрю:
«Слава Богу, всё нормально,
Всё отлично!», - говорю.

Юрий Лейдерман

Когда-нибудь придут слова последние...
На станции с названием “Тупик”
Я упаду, я встану на колени
И закричу. И Б-г услышит крик.

Проснется утро с петухами третьими,
И журавлиный позовет вожак.
О Господи! Не надо мне бессмертия,
Прости, что гнал по жизни порожняк,

Что не давал ни клятв, ни обещаний
Любить до гроба, умирать — так враз,
Что к маме не прижался на прощанье
И что отца не видел в смертный час.

Лариса Мангупли

С рассветом петухи пропели,
Рождался день в моём окне.
А мне стихи писать велели,
Но нет стихов. И грустно мне.
Ну, не рифмуются все строчки,
И не сложить мне строфы в срок.
Я, может, родилась в сорочке
Из книжных и газетных строк...

Семён Гендель

Баллада о скрипке и смычке

Дирижёр с таинственной улыбкой,
Палочкой своей взмахнув слегка,
Переплёл судьбу невинной скрипки
С возрастом почтенного смычка.

Прижимая тоненькие струны,
Оставаясь с ней наедине,
Напевал смычок со скрипкой юной
О любви сонату при луне.

И шептала скрипка, замирая
От прикосновения смычка:
“Ты приоткрываешь створки рая,
Музыкой развеяв облака.”

И стекали паузы, как слёзы,
С трости виртуозного смычка,
Предвещая путь к далёким звёздам
Без любимой скрипки, а пока...

...он играл, надеясь, что нескоро,
Оборвав сонату в небесах,
Палочка в руках у дирижёра
Сделает для них последний взмах.

Марина Симкина

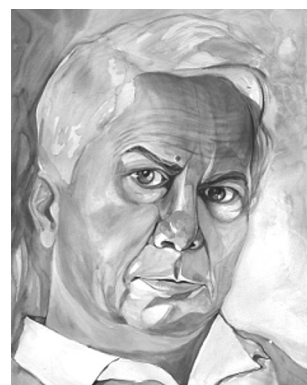
Я ворох слов верчу, тащу
Любимому товарищу,
Смотрю на свет придиричиво,
Чтоб вдруг не учудить чего.
Ну как сказать по-новому,
Мол, быть тебе здоровому
И тихо жить счастливому
Под нашими оливами?!
Текут слова отарою,
И все такие старые...
Но старые, да чистые,
Их вкус веками выстоян —
Не пожелать по-новому,
Чтоб другу быть здоровому,
Чтоб песням плыть счастливыми
Под нашими оливами.

Ирина Явчуновская

Февраль

Угрюмый февраль - мудрец или враль,
Туман за окном белёс.
И грусть пролегла, как серая мгла,
Накрыв фейерверки звезд.
Простуженным днем тихонько вздохнём
В плену дождевых сетей,
Спасает нас плед от тысячи бед,
И глупых смешных затей.
Продрогший февраль, зря сеешь печаль!
Морочишь нас до поры!
Твой век не велик, ты скатишься вмиг,
Снежком с ледяной горы.
Угрюмый февраль - мудрец или враль,
Не выкрадешь неба синь.
Развей же обман! Белесый туман,
Как створки окна, раздвинь.

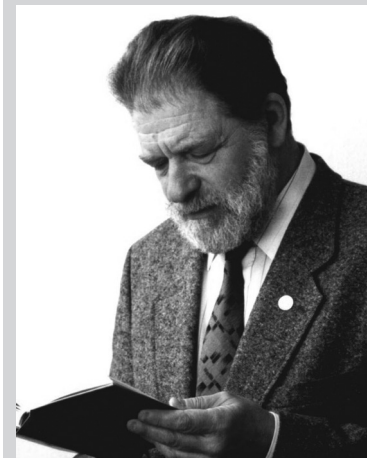
Михаил Левин

Ослабили колени у лани
И крылья у луны.
И светят потухшие звёзды -
Наивные лгуны.

И струны всех в мире созвучий
Ослабили, ослабили.
Ослабили вериги искусства
И вервия славы.

А в это мгновенье летит,
Чтоб собой насладиться
Над Хайфским заливом
Распутница Императрица
НОЧЬ.

Германия

Гарбар Давид

Родился 15 марта 1935 года в г. Мозыре (Белоруссия). До начала Великой Отечественной Войны 1941 - 1945 г.г. семья проживала в г. Минске. После окончания войны и демобилизации отца семья возвратилась в г. Минск. Здесь окончил 4 среднюю мужскую школу им. С. М. Кирова, а затем геологическое отделение геолого-географического факультета Белорусского Государственного Университета им. В. И. Ленина по специальности «инженер-геолог-разведчик».

В 1958 году переехал в Ленинград. Здесь был принят техником-геологом в Ленинградский филиал института «ВНИИ Геофизика». В этом качестве всю зиму 1958-1959 г.г. проработал на нефтяных месторождениях Башкирии (г. Октябрьский), а весной 1959 года перевелся в состав Ленинградской (Петербургской) экспедиции Северо-Западного геологического управления Министерства геологии СССР. В этой организации проработал с 1959 по 1996 год и прошел путь от коллектора до ведущего геолога, руководителя Группы региональных исследований Северо-Запада. Работал на территории Ленинградской, Новгородской, Псковской, Вологодской, частично Архангельской областей, на Кольском полуострове и много лет в Карелии (в основном, в Обонежье). Занимался геологической съемкой, поисками никеля, алмазов, а последние годы - тематическими исследованиями, связанными, в основном, с проблемами региональной геологии и тектоники. По материалам своих исследований защитил кандидатскую (1971) и докторскую (1996) диссертации. Доктор геолого-минералогических наук. С 1996 года в Германии, где живут и работают сыновья, учатся внуки и внучки.

Стихи, как и многие геологи, пишет давно. Уже в Германии неожиданно для себя занялся и «переложением» стихотворений немецкоязычных поэтов на русский язык.

О Севере ближнем и дальнем

Наверное, это покажется странным, что у геолога, проработавшего в своей профессии почти 40 лет, и из них более трёх четвертей в Карелии, и писавшего всё это время стихи, почти нет стихотворений о геологии и о Севере. Я объясняю это тем, что пишу стихи, когда мне дискомфортно, грустно или просто плохо.

А в моей профессии, в моей Карелии мне было хорошо. Так что и незачем писать стихи.

Тем не менее, вот несколько стихотворений, так или иначе связанных и с Севером, и с профессией.

Профессия

“Романтика костров“,
“поэзия палаток“, —
У этой “лирики” недолог век, и краток
Тот миг, что “полем” мы зовем.
Романтика профессии не в том:

Листая дни — молекулы слюды,
Ты видишь Прошлого следы,
И ощущаешь в Космосе себя...
Так что там мелкие издержки бытия.

Поэзия не в быте, а в работе.
Когда ты обращаешься к Природе, —
Сам Бог общается с тобой...
Ну а за этим можно и в забой,
И в степь, и в горы, и куда угодно...
Ведь основное — быть свободным
И с Богом говорить...
Мне это ощущение не забыть
До дней последних...

Тот день
(Когда я итожу ...)

“Когда я итожу жизнь, что прожил”,
Я вспоминаю одно и то же:
Тот день, словно он предо мною ожил;
Все ту же картину. Одно и то же.

Октябрь. И последний в сезоне маршрут.
В сезоне первом, что тоже важно.
Да, каждый сезон нелегок и крут.
Но этот прошел бездумно “отважно”.

Октябрь в Кандалакше —
серьезное время.
Да, осень прекрасна. И ягод навалом.
Но штормы в заливе — тяжелое бремя.
А если заряды —
со снегом, со шквалом...

Мы в доре вдвоем. Константин на моторе
И я — на руле. Вон и остров Медвежий.
Ничто не тревожит, —
ни берег, ни море.
Лишь ветерок... Нет, не буря. Но свежий.

Мы в доре вдвоем. Маршрут на исходе.
Еще одна выброска и... пошабашим.
И вдруг из ущелья, что мимо проходим,
Со снегом заряд, —
и вокруг, словно каша

Из снега и льда... И воды ледяной.
И дора на гребне волны, как скорлупка.
И небо уже где-то там, подо мной.
И я на весу, лишь цепляюсь за рубку.

Мотор, словно замер. Не видно ни зги.
И Костя распластан ничком на моторе.
Бог! — он кричит, — Где ты там, помоги!
Море взбесилось, и мы в этом море!

Прочь все дискуссии, все разговоры,
Прочь все размовки, —
все мимо, все прочь.

Море взбесилось. Мы в море на доре.
Только что день был. И вдруг пала ночь.

Лодку, что сзади вели на буксире,
Ветер поднял и рванул что есть сил.
Сколько той силы в взбесившемся мире?
Крюк на корме, — словно кто откусил.

Я уж не помню деталей. Но странно,
Помню я мысль. — не идет с головы:
Это конец. Но зачем же так рано, —
Сына еще я не видел. Увы...

Мечется дора в месиве странном.
Вдруг, — словно кем-то
захлопнута дверь, —
Тихо вокруг. Вышли мы из бурана.
Море опять словно ласковый зверь.

“Когда я итожу то, что прожил”,
Я вспоминаю этот день.
Из многих один, что я в жизни прожил
И снова душа ныряет в тень.

“Заряд”- шквальный ветер со снегом и дождем (поморский жаргон)
“Дора” - маленькое суденышко со стационарным мотором (поморский жаргон)
“Сезон”- экспедиционное время (геологическое)
“Пошабашим”- закончим (жаргон)

Туман

Туман. Здесь, в городе не видано такое...
И сквозь туман мы едем на вокзал...
Туман. Но кто это сказал,
Что память оставляет нас в покое?

Я вспоминаю Заонежье — тот туман...
Дороги нет! Лишь контуры дороги...
Столбы — в тумане.

Ощущение тревоги...
Туман, туман... Мы едем сквозь туман...

Мы погружаемся, как в молоко, в туман.
Все в сером мареве —
от ступицы до крыши...
Но солнце: выше, выше, выше...
И вот тумана нет — исчез туман...

Не так ли жизнь — поездка сквозь туман:
Все неотчетливо — дорога и предметы...
И неизвестно: что ты, с кем ты, где ты???
И трудно различить, —
где правда, где обман?

Где солнце? Где. Где. Где???
Туман, туман, туман...

Израиль

Евгений Минин

Поэт, пародист, издатель, родился в г. Невель Псковской области. Стихи, пародии и проза печатаются в журналах и газетах, издаваемых в США, России, Израйля и Европе, «Литературная учёба», «Дети Ра», «Иерусалимский журнал», «Интер-поэзия», «День поэзии», «22», «Зарубежные записки», «Слово/Word», «День и Ночь» и т.д. Участник постоянных юмористических рубрик в «Литературной газете, Литературной России», журналах «Флорида» и в «Литературная учёба», в израильских газетах «Вести» и «Секрет».

Издатель и редактор-составитель множества поэтических альманахов и литературных приложений.

Автор семи поэтических сборников и книги прозы, председатель Иерусалимского отделения СП Израйля, член СП Москвы, издатель и главный редактор журнала «Литературный Иерусалим», ответственный секретарь «Иерусалимского журнала», член редколлегии журнала «Дети Ра»

Лауреат Третьего поэтического фестиваля памяти Поэта — Израиль, лауреат премии журнала «Флорида». Живёт в Иерусалиме

О себе

В жизни у человека две удачи, — что родился и что живёшь до настоящего времени. Всё, что между этими двумя словами — дано свыше. В жизни я видел много смешного, с возрастом юмор накапливался, и в определённый момент прорвало. После смерти знаменитого пародиста Александра Иванова, многие поэты настолько стали вольно обращаться с русским языком, что появление пародиста Минина или кого-то другого стало насущным и необходимым. На то и шука, чтобы карась не дремал.

А пародия бывает разная — добрая и ехидная — это зависит от исходного материала, но не будем забывать главного — пародия — жанр юмористический, и потому у неё двойкая цель: обратить внимание на творчество конкретного автора и, более главное — рассмешить.

Мы помним — жизнь человека даётся один раз, но если удаётся прожить её с улыбкой на устах, то можно считать, что жизнь удалась.

ПОЭТ

Поэт — неповторим,
он так подобен чуду,
Беспомощный порой,
порою — едкий шут.

Порой настолько мал,
что виден отовсюду,
Порой настолько тих,
что слышен там и тут.

Не требуй от него
геройства и отваги,
Он плачет по себе,
и плач летит во тьму.
Чужую боль несет
на листике бумаги,
Необходимый всем,
не нужный никому.

Мы от поэзии в убытке,
где от нее дохода ждаты!
Порой разденешься до нитки,
чтоб книжку тощую издать.
Сидим

безвестные кликуши
литературного труда,
и в строках раскрываем души,
чтоб каждый
плюнуть мог туда.

ТВОРИТЬ СТИХИ...

Творить стихи —
какое благо
Из многих помыслов простых.
Ждет, словно женщина, бумага,
Непостижимых слов твоих.
И эта музыка созвучий,
Сплетая строчек мерных вязь
Жизнь делает еще живучей,
И с истиной прочнее связь.
И вылетевших чувств отвага,
И вдохновения кураж
Творить стихи —

какое благо...
Творить стихи —
такая блажь!

О ГЛАГОЛАХ

Глаголы в стихах нередко
Работают наоборот,
Беру под язык таблетку,
Что толку,
она — не берет.
Словесная мешанина,
Совсем не смешной эпизод,
Везет меня в город машина,
А мне, хоть убей, не везет.
На то, что покажется бредом,
Глаголом отвечу одним —
Что будучи другу предан,
Я все-таки предан им.

Не кормите поэта с ладони,
К дармовой не привыкнет еде,

На балу, в кабаке ли, в притоне
Он повсюду всегда и — нигде.

В жар — в ознобе,
в мороз — он пылает,
Знак вопроса в своей же судьбе.
И не сам по себе он гуляет,
Он гуляет —
в самом себе.

УДАЧА

Удача
приходит внезапно,
не помню восторга иного.
Но день пролетает — и завтра
она обнимает другого.
И снова

сплошная непуха,
и жизнь — до чего ж бестолкова.
Удача —
бродячая шлюха!
Но как ее хочется
снова!

ОДИНОЧЕСТВО

Не сочиняется,
не пишется,
На жизни смотришь наготу,
Но вдруг
душа варганит пиршество,
Когда совсем немого.
И все свершается, что хочется.,
И обнимается простор.
Да разве это —

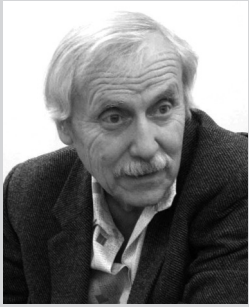
одиночество,
Когда напротив —
монитор.

ПУТЬ ПОЭТА

Путь поэта — это даты,
Не веселье или грусть,
Все, что прожито когда-то,
Надо ль помнить наизусть.
Путь поэта в мирозданье
Критик вымерит сполна,
То ли —
стопками изданий,
То ли —
стопками вина.

ПОЭТУ

И для того нам ночь,
чтоб время обмануть.
Ленивый будет спать,
а вор — искать добычу,
Рыбак — готовить снасть,
а ты — блюди обычай,
А ты — води пером,
и в этом твоя суть.
Тебе прозрачен мир,
а ты — провидец в нем,
Нет истине границ,
нет мудрости предела,
До первого луча
свое закончи дело,
Води, поэт, пером.
Ты выпишься.
Потом....

Анатолий ЛИПИЦКИЙ

Анатолий Григорьевич Липицкий родился в 1933 году в Кривом Роге. По специальности инженер-энергетик. Служил в Советской Армии. Работал на Ново-Криворожском ГОКе, на энергетических предприятиях Магаданской области — на Колыме и Чукотке, в Магадане. В свободное от основной работы время писал рассказы и повести, которые печатались в периодической прессе Эвекинота, Анадыря, Магадана, Владивостока, Днепрпетровска, в журналах «Дальний Восток» (Хабаровск), «На Севере Дальнем» (Магадан), в коллективных сборниках, в альманахе «Саксагань» (Кривой Рог). В 1990 году стал инициатором создания и первым главным редактором альманаха «Саксагань» в г.Кривом Роге, редакцию которого возглавлял до 2009 года.

Автор книг прозы «Амгуэмская переправа» (1977 г.), «Пересечения» (1982 г.), «Оглянись в пути» (1986 г.), краеведческого сборника о становлении энергетики на Крайнем Севере (1986 г.), сборника повестей и рассказов «Восхождение» (1998 г.), «Ожидание любви» (2000 г.) трехтомника избранных произведений под общим названием «Север в сердце моём» (2008 г.), сборника «Залив Креста «До востребования» (2010 г.). Член Союза писателей Украины.

КРИВОЙ РОГ

Сломанная кисть

Рассказ

Маэстро знал, что главное свое произведение он еще не создал, хотя молодость миновала, и приходили мучительные сомнения, успеет ли он вообще оставить память о себе. Он знал: за многие годы работы из-под его рук не вышло произведения, достойного стать в ряд с работами его именитых учителей, а коль ты художник и не сумел подняться выше своих предшественников, — нет бесмертия твоему имени.

Последняя законченная работа — надгробие в Сан-Лоренцо — не удовлетворяла его. Сначала он предался работе с упоением, и ему нравились даже решетки со строгим узором, да и весь ансамбль, суровый и величественный, как и подобало гробнице грозного Медичи, но равнодушие наступило раньше, чем были окончены последние отливки. Не то, сказал он себе, опять совсем не то!

Маэстро мечтал о совершенстве линий, о легкости и невесомости, присущей лучшим работам древних, секреты мастерства которых давно утеряны.

Главное — успеть, торопиться. Он глядел на безрассудную молодежь и с досадой вспоминал свои юные годы. Сколько растрачено впустую! Да-да, он знает, что брюзжат старики, что осуждают свое прошлое неудачники. Но ему известно и то, что довольны собой в основном бездарные лентяи.

Маэстро прохаживался по каменному полу новой церкви в Сан-Сальви. Сюда привел он восемь лучших своих учеников, привел к неоконченной своей картине, чтобы видели они и постигали ремесло живописца.

Разные обликом, одеждой, манерами, ученики для маэстро были похожи одним — непостоянством. Даже самый талантливый из них, юный сын нотариуса Пьетро, никогда не станет большим мастером. Ему некогда. Кроме искусства он забавляется далекими от живописи фантазиями. И нередко на его картоне остаются россыпи цифр и знаков, силуэты химер и чертежи странных механизмов.

Вот и сейчас, когда мальчику нужно подчеркнуть на портрете сходство с оригиналом — ведь было предложено сделать копию, — он рисует своего Иоанна. Конечно, можно и так, в повороте головы открыть для света шею, но... это наводит на мысль, что за всякую красоту придется расплачиваться. Не только уродством старости, но иногда — собственной головой. Может, так и надо, только не в картине для церкви. Художник рассердился.

— Сеньоры! — обратился он к ученикам, и голос его, мягкий и приятный, зазвучал гулко под церковным куполом. Губы учителя на полном добром лице искривились. — Живопись, как и всякий труд, не терпит пустых фантазий. Всё должно подчиняться одной цели, одному идеалу. Этот идеал высок и прекрасен, как честь любимой. Имя ему — правда. Чему вы там улыбаетесь? Вам это давным-давно известно? — маэстро обвел всех взглядом. — В таком случае вы просто лентяи, сеньоры.

Ученики зашептались.

— Тише! — поднял руку учитель. — Кто не согласен со мной? Конечно, и ты? — он встретил взгляд сына нотариуса, который дерзко поднял голову, откинув со лба пышный локон. — А ты знаешь, что слова — это мусор, шелуха? Доказательство для художника — его работа. Сейчас я уезжаю: мне нужно встретиться с настоятелем Валломброзы. Изобрази одного из ангелов на этой картине, вот здесь, я говорил. И чтобы видно было — это не нищий, не воин, не сын купца, по-

нимаешь? Ну, марш все отдыхать! Завтра с вами будет Сандро.

Ученики, перешептываясь, выходили следом за учителем. Кто-то сочувственно похлопал мальчика по плечу, кто-то дернул за локон. А он неотрывно смотрел на неоконченную картину маэстро...

Церковь окружали высокие деревья. В узкие стрельчатые окна заглядывали каштаны и лавры, а в голубом просторе над вершинами гор нависли снежные груды облаков. Теплый ветер слабо шумел в душистой листве, прилетая сюда с далеких вершин. У горных подножий, в одной из долин, среди садов и виноградников, находится небольшая деревня с древним названием, — родина юного ученика маэстро. Когда мальчик впервые приехал в шумную Флоренцию, ему казалось, что успех ожидает его на каждом шагу. Время идет, а где он, успех? Учитель забыл о восхищении первыми его работами. А если теперь с ангелом ничего не получится, значит, маэстро прав: есть мастер и есть кописты.

Мальчик подошел к картине и стал — в который раз! — рассматривать ее. Больно кольнула мысль о натурщике. Где взять модель для ангела? Одно за другим мелькали перед внутренним взором лица друзей, знакомых, но все это было не то... Что же делать? Вот она, кисть маэстро. Бери, краски подготовлены, грунтовка прочна. «Не сын купца, не нищий, не воин — ангел!..»

Тишину церкви нарушили шаркающие звуки. Мальчик оглянулся. Опираясь на черную суковатую палку, по плитам ковьялит церковный сторож.

Некоторое время они молчали — мальчик и старик, — глядя друг на друга. Затем, запинаясь, юный художник стал объяснять, кто он и почему не ушел со всеми.

Слова его взлетали к высокому куполу и, затихая, уходили к небу за окнами, а старик все молчал и смотрел на Иоанна и Христа выцветшими глазами, то ли думал, то ли дремал. Наконец он задвигал сухими губами и спросил:

— Что же ты медлишь? Время уходит.

— Я не умею так... Я должен видеть перед собою лицо, — мальчику стало обидно. Как же так, не подумал об этом сразу! Конечно, можно и без натурщика, но это будет не работа, а мука, беспрерывное исправление, ловля призраков. Неужели маэстро решил подшутить над ним? Так жестоко...

— Он знал, понимаешь? Знал, что я не найду так просто лицо для ангела. Ведь он сам давно ищет. Теперь станет смеяться.

Старик подвигал губами, посмотрел в глаза подростка и улыбнулся, отчего его лицо стало еще морщинистей.

— Сейчас, — сказал он очень тихо, — я сейчас вернусь.

Стук палки умолк за открытой дверью. Было слышно лишь, как шуршит листва на деревьях за окнами.

Старик возвратился, сжимая негнущимися пальцами куски стекла.

— Я подобрал их, давно подобрал. Напротив собора. Там разбилась карета какого-то сеньора. Лошади понесли. Да. — Старик умолк, вспоминая ушедшее. Мальчик терпеливо дожидался, и старик заговорил опять. — Это зеркало. Да. Конечно, никакой ты не ангел. Когда-то дети были лучше. Да. Но если

у тебя нет никого на примете, гляди на свое лицо. Только, знаешь, у ангела всегда глаза голубые. Да, — старик задыхался от длинного разговора. — Не сердись на сеньора, он добрый. Он разговаривал со мной. Да. Со мной когда-то разговаривал сеньор Донателло.

Мальчик глядел на обломок зеркала, хмуря тонкие брови, нерешительно переступая с ноги на ногу. Старик молчал, потряхивая головой, и было непонятно, ободряет ли он юного живописца, вспоминает ли давние случайные встречи или просто не может удержать голову от старости.

Усадив старика на скамью у стены, мальчик стал растирать краски. Сомнения мучили его, и когда он коснулся кистью картины, лицо его в зеркале выглядело растерянным и озабоченным. Разве такими бывают ангелы? Левая рука с кистью дрогнула. Разве так можно рисовать — заглядывая в зеркало?

Много-много лет спустя, работая над автопортретом и всматриваясь в морщины, изрубившие его лицо, он вспомнит, как призрачный сон, пустую церковь в Сан-Сальви, весну за окнами, зеркало в правой руке и своего неожиданного помощника, с укоризной сказавшего ему:

— Что-то сдается мне, будто ты и впрямь не очень работающий...

Услышав эти слова, мальчик уронил кисть. На полу осталась клякса небесной голубизны.

Вытирая капельки пота со лба, юный художник вспомнил благословение матери. Мягкая щека ее, вся в еле видимом золотистом пушке, издавала слабый запах розы. Так пахли все мамы вещи... «Ты станешь хорошим художником, — говорила мама. — Как бы тебе ни приходилось трудно и плохо, мой мальчик, помни — я верю в тебя».

Он поднял кисть, оглянулся. Старик сидел, прислонясь к стене. Луч солнца, проникнув в окно, скользнул по глубоким морщинам хранителя церковных ключей, запутался в седой бороде. Старик дремал.

У мальчика пропало всякое желание работать. До сих пор ему всё давалось легко и просто, было бы настроение. Сейчас нужно приступить к работе, кажущейся невыполнимой. Мальчик смотрел на полотно, и сердце его сжимала грусть. Он еще не знал, что в жизни придется не раз бросать любимое дело и дорогих людей, бежать на чужбину, скитаться вдали от отчизны. Он не догадывался, что десятки своих работ напишет по заказу. Он впервые в жизни почувствовал, что живопись — труд, а не только радость и каприз.

Мальчик вздохнул и стал смешивать краски, изредка поглядывая в зеркало и уже настраиваясь на то, что ангела надо, надо написать.

...Спустя два дня маэстро пришел в церковь, настроенный благодушно: ему удалось договориться со старой лисой в сутане о картине для монастыря.

Входя из солнечного дня в тихие церковные сумерки, маэстро громко сказал ученикам, работающим над своими картонками:

— После Мазаччо никто не может передать в портрете душу человека, будь то радость или печаль, гнев или страдание. Мазаччо был великим, великим! Но! — маэстро поднял палец вверх. — Законы искусства требуют, чтобы после

великих приходили великолепные и потрясающие. Или, — маэстро обвел всех взглядом сверкающих молодых глаз, — или не приходил никто!

Ученики молчали. Они всегда внимательно слушали маэстро, ценили его талант, уважая старшего друга. Но на сей раз учитель ощутил, что его не слушают и даже смотрят не на него, а на неоконченную его картину. Он вспомнил о смешном разговоре с мальчиком, виновато опустившим голову в первом ряду, и пожалел, что был строг с юным задирой. Бедный мальчишка! Талант не позволил ему рисовать плохо, а самолюбие — отказаться от работы. Да и отсутствие модели — какая это беда! Бедный мальчишка! Курточка и брюки забрызганы воском: он рисовал ночью, дня не хватило. Боится, что испортил работу. Невелика беда, перегрунтуем.

Решив не вспоминать об уговоре, маэстро взял свою любимую кисть, обернулся к картине и замер. Когда он входил в церковь, его глаза, полные солнца, не видели того, что открылось перед ним теперь. На том месте, где должно быть по замыслу ангелу, появилось лицо, мальчишеское лицо. Узкие брови, голубые выразительные глаза, легкий поворот головы. Все написано безукоризненно, с удивительной простотой шедевра.

— Что это? — прошептал, бледнея, учитель. Ведь об этом выражении голубых внимательных глаз он мечтал сам, да не решался: ангел ведь!

Маэстро беспомощно оглянулся и прямо перед собой, в пяти шагах, среди своих учеников увидел лицо с картины, лицо, в котором были ожидание и испуг. Видя растерянность учителя, не понимая, за что маэстро может сердиться, мальчик робко проговорил:

— Вы же... разрешили, сеньор.

— Ну конечно, он разрешил тебе! — дрожащим голосом проговорил из серого угла старик.

— Ты? — маэстро ошеломленно смотрел на мальчика. — Ты написал этого... себя? — он посмотрел на кисть в своей руке и, переломив ее пополам, швырнул обломки на пол. — Я жалкий пачкун, а не художник! Если мальчишки начинают рисовать так, — он указал на ангела, — стоит ли заниматься живописью зрелым мужам? Вся Флоренция станет называть меня учеником ученика!

Он внезапно успокоился и подошел к мальчику, возле которого стоял сердитый сторож, положив сухую руку на мальчишеское плечо.

— Где кисть, которой ты писал? — спросил маэстро.

— Вы сл... сломали ее, сеньор.

— Не сердись, — заговорил учитель с грустной сентиментальностью. — Дорогой мой мальчик, ты — будущая гордость Флоренции. В твоих руках спрятана такая сила, что ты не сможешь ей не подчиниться. Твое имя скоро прогремит по всей Италии. Я стану стар и беспомощен, но ко мне будут приходить люди, чтобы я рассказал им о тебе. Может, я так и не напишу, не создам ничего великого. Но я сохраню эти обломки, эту кисть, которой ты написал свою первую настоящую работу, написал на моей картине. Ты превзойдешь великих мастеров, дорогой мой, это говорю тебе я, Андреа Вероккьо.

Это было пятьсот с лишним лет назад, голубой весной 1467 года.

Андреа Вероккьо ошибся: юный талантливый ученик его стал гордостью не только прекрасной Флоренции и всей знойной Италии.

Он стал Леонардо да Винчи.

г. Юривой Рог

Бегство от времени

Коридор. Снова. По обе стороны – двери, в неразличимом конце – свет. Иногда он мягкий, зовущий теплом. А сейчас холодный, нестерпимо яркий, до жжения в глазах и тяжести в затылке. Дверей много, их не счесть. Некоторые распахнуты, остальные закрыты, заколочены досками накрест, за ними слышны голоса, шум листьев, дождя, раскаты грома, еще, пока, далекого... Воздух становится липким и вязким, на грудь давит невидимая стена, ноги отказываются идти, но все же удается сдвинуться с места и сделать несколько шагов. За открытой дверью ночь. Дом с нависшим над ним орехом. Темные листья обнимают маленькую деревянную веранду, пытаюсь заслонить от надвигающейся бури. А в небе сплошные вспышки молний. Кажется, что там, за покровом облаков, развели гигантский костер и теперь языки пламени мечутся по всему мутному небу, пытаюсь вырваться сюда, на Землю. Свет в окне, и силуэт – кто-то стоит на веранде, но лица не различить. Выложенная из кирпичей тропинка. Побежать бы по ней, постучать в дверь, шагнуть за порог... Свет из окна такой живой и теплый, что дом без него? Просто пустое строение, еще один осколок прошлого...

Боль под левой лопаткой. Тяжело дышать. Три ступеньки крыльца, скрип досок под ногами, и рука ощущает холод дверной ручки... Никого нет, а свет внутри яркий и не создает теней, он льется из стен, они живые, они смотрят и радуются приходу гостя, они помнят... Слышны голоса, позвякивание посуды на кухне, но что это? Нет туда двери, да и в кабинет не попасть. Коридор тянется прямо в зал. Свет тускнеет, по стенам пробегают огненные блики. Ноги вновь отказываются идти, а воздух становится липким и плотным, с невероятным усилием получается продвинуться вперед... В зале ничего не изменилось – тот же округлый буфет с тарелками и разноцветными кувшинами, старое трюмо, с почерневшим от времени зеркалом, и большой овальный стол посередине комнаты, погруженной в полумрак. Капля дождя скользнула по щеке, еще одна. Капли на столе, на подлокотниках кресла... Шуршат под ногами сухие листья... По небу прыгают колющие молнии, жалят темноту, и она отступает за окна, пытаясь спрятаться в тени пляшущих деревьев. Порыв ветра подбрасывает листья с пола и поднимает выше стен, уносит в ночь. Еще одна дверь, за ней крохотная спальная комната, но за порогом темно и холодно. Туда не надо идти...

Ветер усиливается, редкий дождь превращается в ливень, со стола потоком течет вода, мокрые листья прилипают к стенам, зеркалу, мебели. Нужно возвращаться, но так сложно уйти, вернуться назад, туда,

где нет дома с верандой и теплым светом за окном. Туда, где уже так много нет...

Опять коридор, свет в конце не такой режущий и холодный, как прежде. И ноги несут все быстрее и быстрее, почти бегом, мимо открытых дверей, за которыми забытые города, брошенные дома. Гул аэропортов, жалобные гудки пароходов и тепловозов. Вокзалы, порты, море, горы – все проносится мимо, и нет сил остановить этот бег. Время крутит стрелки часов на высокой башне то назад, то вперед. Башня нависает над коридором, вот-вот готова упасть, она наклоняется ниже, слышен скрежет и лязг механизмов старинных часов. Уже различимы каменные стены, глубокие трещины от дождей и ветров...

Грохот, треск... Башня рвется на куски, отлетают стрелки часов, ломается циферблат – все летит в коридор, давя далекий, мерцающий свет огромными, обточенными временем, камнями...

Тишина... В небе инеем сверкают звезды... Лишь слышны удары колокола, еле уловимые, далекие. Там, на холме, одинокая сторожевая башня с деревянной балкой под самым верхом, вместо потолка, на ней колокол, его раскачивает ветер и он гудит еле слышно.

Нет больше тяжести и липкой стены впереди, нет времени и брошенных домов, нет городов с темными улицами и нет каменных клеток, пахнущих плесенью... Трава под ногами, луна освещает холм и башню. Как же долгие этот путь за спиной, как бесконечно долгие... Но это – ТО место, дающее освобождение и возможность лететь. За небо, за звезды, за вечность...

Позади остается коридор, заваленный камнями, они пробili проход и нет больше замкнутого пространства прошлого, той надоевшей цикличности, бега по кругу. Хлопают уцелевшие двери от сквозняка, картонные макеты домов и городов осыпаются, покрываются снегом. Он летит тяжелыми хлопьями прямо со звезд и с каждой снежинкой становится легче дышать.

Пора. Колокол раскачивается сильнее, удары становятся частыми, сливаясь с биением сердца. Ноги отрываются от Земли, и тело быстро набирает скорость, все смешивается: снег, звезды, лунный свет. Слышны голоса там, впереди, но точно знаешь – больше не будет закрытых дверей.

ками, обнесено забором кирпичным, а на каждом кирпичике табличка с инвентарным номером, все можно поменять на золото, а что нет – выбросить! Даже лица немногочисленные пластмассовые и слегка плоские со стеклянными глазками без мысли, без чувства, только обмен на золото, только мечты о золоте, а вместо зрачков – табло с цифрами...

Окрашены губы синим от виноградного сока, а в зеркале отражение скалится окровавленной пастью...

Все привычно, правильно, было всегда и будет, и ничего не изменится в этом кукольном мире, где манекены правят странами, воюют с народами, толкают на новые войны, срамливают, а что им?! Они манекены, подумаешь! Открутят руку или ногу, можно поставить другую, даже голов на складе – полным-полно, и все аккуратно уложены в очень сухие опилки, чтоб не сырела мозговая вата...

Может, забыть и не слушать стук веток тревожный, может, закрыть глаза и представить, что еще живо время, а, может, заснуть на часок, а проснуться в новом мире, где все непохоже красиво и нет убийств и войны... Жаль, что лишь пепел прошлого просится прыгнуть в сердце, и так его хрупкости мало для оживления времени, что сердце становится каменным, тоже скользит по скалам, падая, падая в пропасть...

Нет того времени...

Нет того времени...

Андрей ДЮКА

Сказки от Светланы Савицкой

Нелюбимая

Во сне он подумал: почему так тянется этот неуютный пустой сон, где гуляют сквозняки среди оголенных деревьев...

И день осознал себя в новой яви непредвиденно длинно. С самой первой минуты пробуждения, уже надоев.

Шлепание тапок Пуха до туалета. А потом стучание ложки о тарелку. О! Это стучание ложки о тарелку с доедающей манной кашей!

Виктор Семенович ждал терпеливо и мучительно, пока она уйдет на работу, закрывал глаза, точно спит. Пух еще хлопала дверьми шкафчиков, что-то собирая, скрипела выходной дверью, потом лязгала мусорным контейнером. Вытягивая жилы, целую вечность подымался с первого этажа лифт. Двери открылись. Груз с Пухом вызвал характерный звук осевшей тяжести. Двери закрылись. Лифт, судя по звукам, стал спускать тушу с Пухом вниз. Он слышал – там внизу двери снова открылись, и она вышла. Уф!

Нет. Надо убедиться, что ее не будет в этом дне.

С верхнего этажа тушка с Пухом казалась круглым клубком непричесанной шерсти. После того, как Виктор Семенович ушел от жены, отдав ВСЕ, его приютила тетка. Ему пятьдесят. Ей шестьдесят. Небольшая разница для «хрущевки»! Нет. У него, конечно, постоянно были разные дамы. И Пух – Пульхерия Петровна – об этом знала. Звала к телефону. Но после того, как Виктор Петрович уходил в очередной запой, и ему нужна была женщина, он пользовался услугами Пуха.

Сожительство с собственной теткой его угнетало. В пьяном угаре все казалось хорошо. А наутро – противно – аж с души воротило!

До чего он дошел! Тьфу ты! Мерзость и пакость! Это она, старая ведьма Пух – она одна радуется, что Виктор вчера снова сорвался, напился один в ветреном осеннем парке прямо на желтой листве. Что впереди? Опять месяц запоя? Опять уволят с работы и искать другую?

Да, где же Пух оставила опохмелку?

Все спустила в мусоропровод – старая вешалка! И денег ни копейки под графином нет...

Злой и небритый Петрович вышел во двор. На работу идти не хотелось. Надоело. Чувствовал, как бывало часто, – закручивает его тяга в беспроектное НИЧТО, где царствует сплошной ОПОФИЗИЗМ!

Виктор направился в тот же парк, искать те же листья. Но, видимо, вчера их сжег дворник. Деревья стояли голы и босы. И между ними двигалась в ветер от ветра осенняя плыссированная морось.

Набрав номера нескольких дружков, понял, что они не займут. Хотелось зашвырнуть мобильник в одну из куч пепла, оставшихся от желтой листвы. Но вместо этого, стал перебирать кнопки, авось найдется еще кто-то, кто никогда не занимал, и не знает, что Виктор и отдавать не собирается и не отдаст, ему бы только выпить... Кнопки кончились и понеслись по новой. Нет, эти жлобы не займут. Может, в книжке что отыщется?

Записная книжка выпала из рук корешком вниз и открылась на странице с буквой «С». Сонька! Его любимая когда-то, боготворимая им Сонька, была перечеркнута до разрывов в бумаге по косой и по прямой и всяко: десятки раз еще пять лет назад.

Сонька? Как она там? Набрал номер.

- Да, Вить, – как ни в чем не бывало, ответила Софья.

- Вот соскучился, решил позвонить. Может, встретимся?

- Нет. Не встретимся. На сегодняшний день у меня другие планы.

Как-то прокололо всего от этих слов. Каждую молекулу. Виктор, задыхаясь, начал выкрикивать обидные слова:

- А ты забыла, Софьюшка, как я тебе душу всю до капли отдавал? По первому твоему зову бежал, как собака?

- А ты забыл, как под забором валялся, и я тебя тащила, а потом меня за это с работы уволили? – возлаяла в ответ, ничуть не стесняясь своей визгливости, Софья.

- Я на тебя двадцать лет, как раб последний, спину гнул! Все тебе оставил!

- Я тебя не просила!

- Машину, гараж, лицо тебе новое сколько делали? Пластических операций? Все ради твоей сцены!

- Ты еще в этом упреки! Жизнь ты мне всю испортил! Не звонил тыщу лет. Что трезвонишь спозаранку? Кровь пить некому?

- Я вернуться хотел. А ты...

- Да кому ты нужен? Что ты мне можешь дать, кроме проблем?

- Себя. Любовь свою! Разве она ничего не стоит?

- Любовь вообще ничего не стоит, если она не подкреплена знаком доллара!

Телефон отключился.

Мобильник полетел все-таки в кучу с пеплом. Книжку ждала та же участь. Виктор начал топтать их ногами, приговаривая:

- Мразь! Мразь! Мразь! Чуб ты сдохла, сволочь! Артистка хренова!

Потом, видимо его посетила новая мысль. И он начал откапывать из грязи мобильник дрожащими руками, очищать от грязи кнопочки. Хотелось добавить что-то обидное и как нельзя уместное именно в эту минуту, чтобы потом уж точно мобильник зарыть, захоронить! Закопать навеки вечные. А книжечку проклятую с телефоном Соньки разорвать на мелкие-мелкие клочки и спалить в дымящихся пеплом осенних листьях!

Тут по лицу прошла дикая судорога. Мышцы перекосило. Подвернулась нога.

- И-е-е-е! – только и успел выкрикнуть Виктор Петрович проходящему дворнику, и упал навзничь.

...

- Тыыыы пь-иии-хооо-ди, – учился он заново говорить в больничной палате после инсульта, – когда врач держала телефон возле его головы.

- Кашки принести? – спросила заботливо Пух, – кашка манная, твоя любимая...

- Пь-иии-не-си! – получилось у Виктора.

Минуты без Пуха в переполненной вонючими умирающими стариками палате четвертого этажа казались долгими и утомительными своей бесконечностью.

А потом еще наступил тихий час. Но вот краем уха Виктор услышал открывание дверей там, где-то под ним, глубоко внизу, точно гостья ехала из ада. Он ждал свою гостью. Вытягивая жилы, целую вечность опускался к ней откуда-то с неба лифт. Двери открылись. Груз с Пухом вызвал характерный звук осевшей тяжести. Двери закрылись. Лифт, судя по звукам, стал подымать тушу с Пухом вверх. Он услышал – здесь, на его этаже двери снова открылись, и она вышла. Уф! Нет. Надо приподняться на подушке и убедиться, что она будет сегодня в этом новом дне.

Шлепание тапок вместе с тапками Пуха до туалета. А потом стучание ложки о тарелку. О! Это стучание ложки о тарелку с доедающей манной кашей!

Светлана САВИЦКАЯ